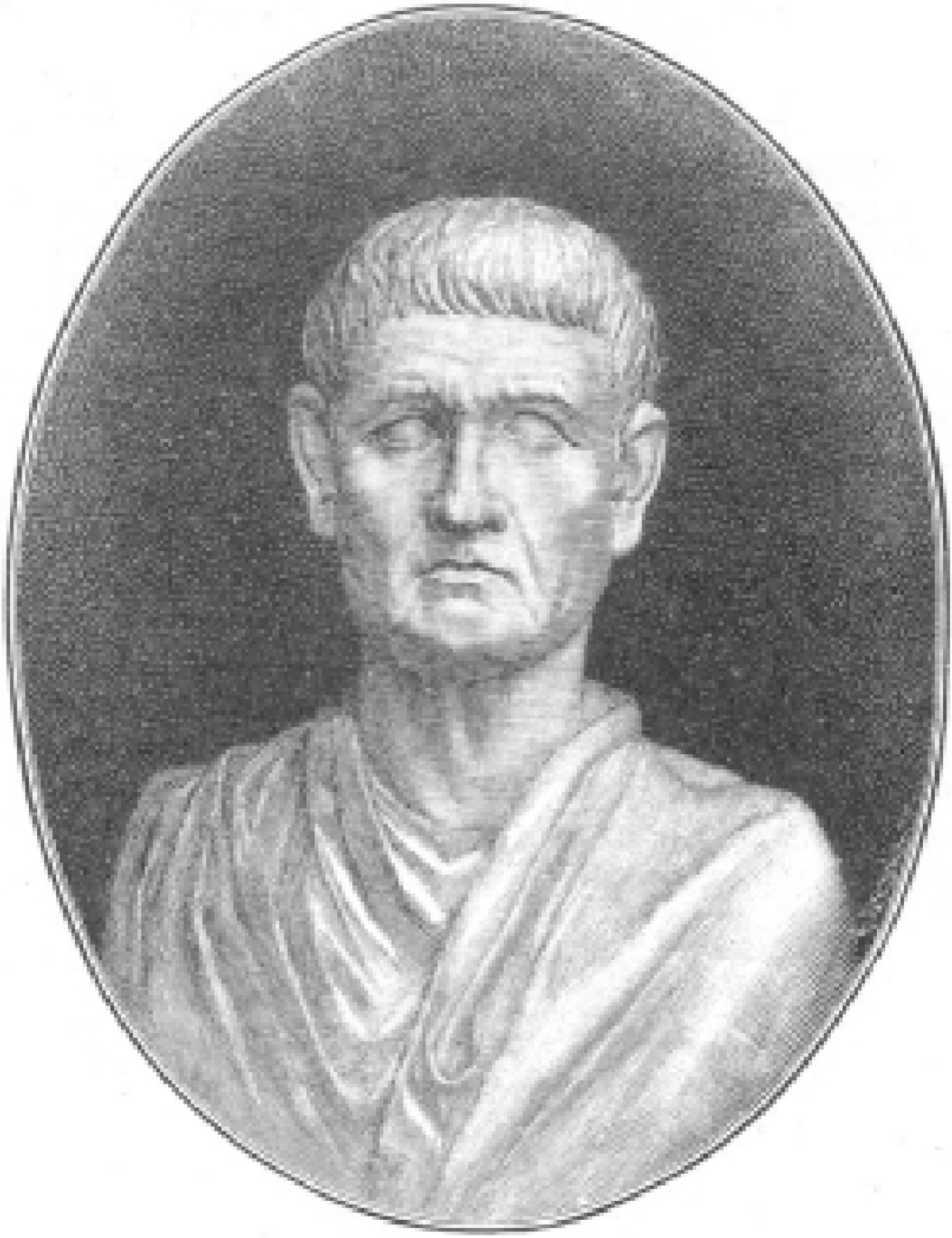


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

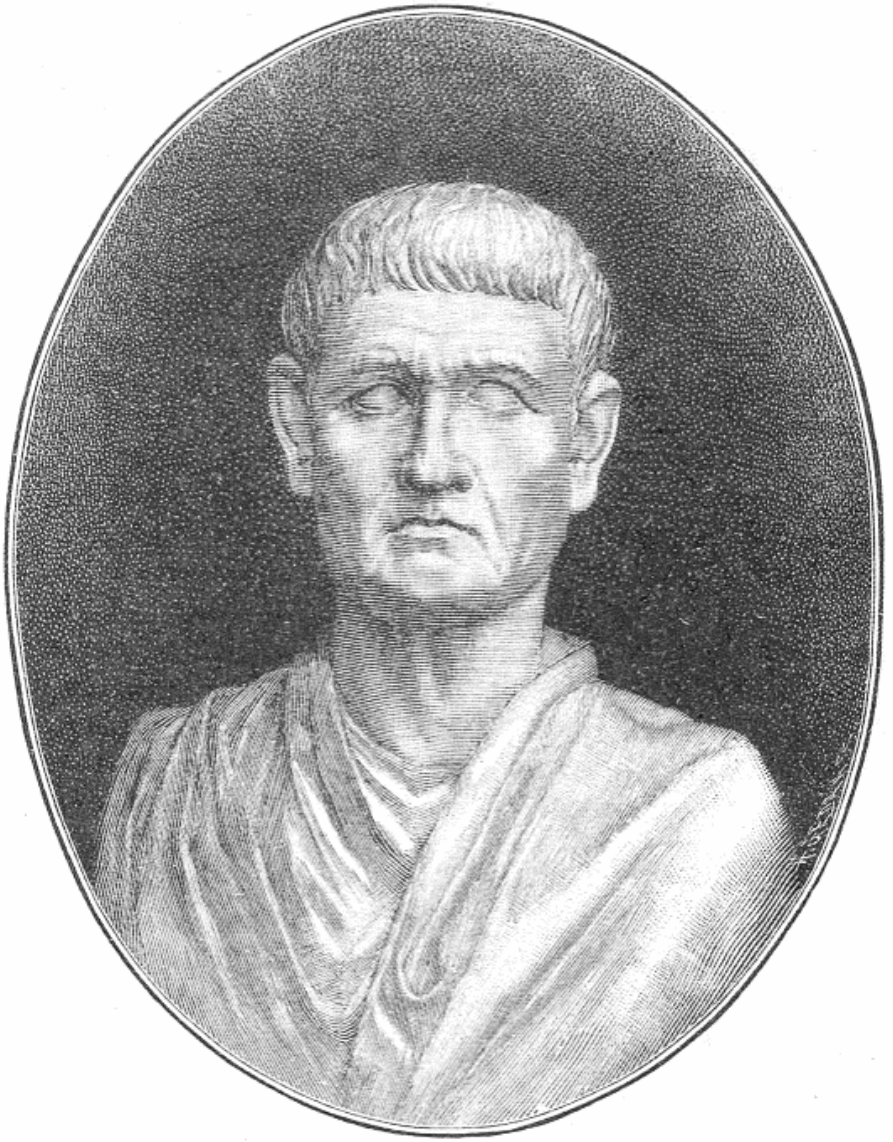
Эти биографические очерки были изданы около ста лет назад в серии «Жизнь замечательных людей», осуществленной Ф. Ф. Павленковым (1839–1900). Написанные в новом для того времени жанре поэтической хроники и историко-культурного исследования, эти тексты сохраняют ценность и по сей день. Писавшиеся «для простых людей», для российской провинции, сегодня они могут быть рекомендованы отнюдь не только библиофилам, но самой широкой читательской аудитории: и тем, кто совсем не искушен в истории и психологии великих людей, и тем, для кого эти предметы – профессия.

- Е. Ф. Литвинова
  -
  - Предисловие
  - Глава I
  - Глава I
  - Глава III
  - Глава IV
  - Глава V
  - Источники
- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5

Е. Ф. Литвинова
Аристотель. Его жизнь, научная и философская деятельность

Биографический очерк Е. Ф. *Литвиновой*

С портретом Аристотеля, гравированным в Лейпциге Геданом



Предисловие

Дант воспевает Аристотеля как «великого учителя сведущих, мощного мертвеца, торжественно шествующего по сумрачным чертогам невидимого мира»…

Более двух тысяч лет прошло со времени рождения Аристотеля, но он все еще живет среди нас своими мыслями, и «сведущим» все еще есть чему у него поучиться. Трудно указать область знания, в которой Аристотель не оставил бы следа, уцелевшего до настоящего времени. Каковы бы ни были наши мнения о его заслугах в области отдельных наук, мы *должны* признать беспримерной его сильную, более или менее деспотическую власть, продолжающуюся десятки столетий, признанную в Багдаде и в Кордове, в Египте и в Британии и оставившую многочисленные следы своего влияния в языке и образе мыслей каждой цивилизованной нации.

Жизнь *Аристотеля* – это не то, что биография даже таких ученых, как Гумбольдт и Дарвин. О последних можно думать, что что-то о них будет известно через две тысячи лет, и стараться отыскать в них ту частицу, которая «тленья избежит». Имя же Аристотеля ставит нас лицом к лицу с самым величавым зрелищем, которое может представиться глазам мыслящего человека: шестьдесят три года земной жизни со всеми ее обыкновенными радостями, печалями и болезнями – и две тысячи лет *загробной* жизни!..

Пишущему биографию Аристотеля предстоит труд найти связь между той и другой жизнью, и перед началом такого труда чувствуешь благоговейный страх, как перед алтарем. Немногое достоверно известно нам из жизни Аристотеля, однако и это немногое дает совершенно ясное понятие о его характере, привычках, нравственных и политических убеждениях, об отношениях к семье, к друзьям и вообще к людям. И все эти данные его жизни рисуют нам Аристотеля таким, каким он нам является в своих сочинениях.

Глава I

Отец Аристотеля. – Первоначальное воспитание в Македонии и в Стагире. – Переселение в Афины. – Аристотель – слушатель Платона. – Школа красноречия, основанная Аристотелем. – Путешествие Аристотеля в Малую Азию. – Смерть друга его Гермия. – Женитьба Аристотеля на Пифиаде. – Гимн Аристотеля «добродетели». – Аристотель в Македонии воспитателем Александра Великого. – Вторичное переселение Аристотеля в Афины. – Открытие философской школы. – Смерть Пифиады. – Вторая женитьба. – Смерть Александра Македонского. – Отношение Аристотеля к афинским демагогам. – Удаление в Халкиду. – Смерть Аристотеля. – Завещание Аристотеля. – Главные черты характера Аристотеля, влияние их на его философию

Аристотель родился в Стагире, недалеко от Афонской горы, в 384 году до Р. Х. Отец его, Никомах, был придворным врачом при Аминисе, царе македонском. Никомах происходил из семейства, в котором врачебное искусство переходило из рода в род. Он пользовался большой славой как врач. Гален упоминает об одном медицинском средстве, открытие которого приписывается отцу Аристотеля. Деятельность отца имела большое значение для жизни и деятельности Аристотеля. Стремление к наблюдению природы было у него в крови. Отец был его первым наставником и передал ему свои познания в естествознании и медицине. Пятнадцати лет Аристотель лишился своих родителей, и заботы о нем принял на себя опекун его, Проксен. Проксен был родом из Атарнеи в Мизии, но жил в Стагире. Аристотель наследовал от отца своего значительные средства, это дало ему возможность продолжать образование под руководством Проксена. Книги тогда были чрезвычайно дороги, но Проксен покупал ему даже самые редкие; таким образом Аристотель в юности своей привык много читать, а это в то время было явлением исключительным. Из дальнейшей жизни Аристотеля видно, как глубоко он был привязан к Проксену: в благодарность за его попечения он после смерти своего опекуна заботился о его вдове, усыновил сына его Никанора, любил мальчика как родного и впоследствии выдал за него замуж дочь свою Пифиаду.

Из того немногого, что нам известно о юности Аристотеля, он представляется нам юношей в высшей степени пылким, который в жизнь вошел «с неробким упованьем». Македонский двор, где

провел он свое раннее детство, оказал на него большое влияние; Аристотель привык видеть людей, приобрел уменье обходиться и с низшими, и с высшими. Он был в юности очень дружен с Филиппом Македонским; вероятно, их связывали общие умственные интересы и широко распространенная тогда ненависть к Персии. После смерти родителей Аристотель жил у своего опекуна в месте своего рождения, в Стагире. Стагира находилась на западном берегу Стримонского залива, в том самом месте, где береговая линия поворачивает к югу. Сразу южнее этого города выступал по направлению к востоку мыс, совершенно защищавший город и его маленькую гавань Капр (образуемую островом того же имени) от сильных порывистых ветров, дувших с Эгейского моря.

Блекслы говорит: в извилинах, идущих уступами через померанцевые рощи Сорренто, путешественник мог бы без труда представить себе узкую и крутую дорогу, по которой, по словам древнего историка и географа, путники спускались с горных отрогов, выходивших из Македонии, в долину Аретузскую, где находилась могила Эврипида и расположен был город Стагира. Но весьма может быть, что имя этого поэтичного уголка исчезло бы из памяти людей, если бы не было Великого Стагирита! В Стагире было легко и удобно заниматься естественными науками, то есть наблюдать явления природы; к этому располагала Аристотеля тихая жизнь этого города, мягкий климат, роскошная природа и влияние Проксена, во всех отношениях заменившего ему отца. Под руководством Проксена начал он собирать редкие растения и сравнивать между собой животных. Многие историки утверждают, что Аристотель наследовал от отца не только материальные средства, но также сочинения, заключавшие в себе тщательно записанные наблюдения над органической и неорганической природой. Итак, прежде чем окунуться в умозрительные науки, Аристотель приобрел большой навык наблюдать и записывать факты, делать разные догадки относительно законов природы и проверять их с помощью опыта.

Период юности Аристотеля относится к тому времени, когда сильная полуварварская Македонская монархия достигла полного расцвета, а истощенная демократия Аттики приближалась к своему упадку. Победы Хабрия восстановили до некоторой степени преобладание афинян на море, но блистательная карьера Эпаминонда, возвысив на время Фивы, только внесла в Грецию еще больше разъединения и еще больше умалила ее способность сопротивляться возрастающему могуществу Македонии. По своему образованию и языку Аристотель был грек и питал в юности симпатии к народным учреждениям, но в то же время он

был подданным македонского государя. Это обстоятельство, как мы увидим далее, имело также большое влияние на дальнейшую жизнь Аристотеля и его философскую и научную деятельность.

Как ни любил Аристотель свою очаровательную, хотя полуразрушенную Стагиру, его, однако, неудержимо влекло в Афины. Уступая грубой силе, разлагаясь внутренне, Афины все-таки были центром умственной жизни и сохраняли долгое время свою нравственную власть и свое величие. Филипп, разбив афинян при Херонее, внимательно и почтительно говорил с заклятым врагом своим, Демосфеном. Позднее Александр Македонский тщательно и глубоко скрывал, как ценно было ему мнение афинян, однако это у него вырывалось в те минуты, кода он терял власть над собою. Во время своего похода в Азию, переправляясь через быструю реку, Александр выбился из сил и чуть было не утонул, а тут еще пришлось взбираться на совершенно крутой, отвесный берег. Описывая это, Александр восклицает: «О афиняне, если бы знали, какие трудности приходится мне испытывать, чтоб удивлять вас своими победами!»

И в Македонии, и в Стагире Аристотель слышал рассказы об афинских мудрецах, о Сократе и Платоне. Греки со свойственной им живостью и пластичностью передавали подробности жизни и деятельности великих людей. И прежде чем Аристотель увидел наяву Платона, философ не раз снился ему в Стагире, но гордому Стагириту не хотелось явиться в Афины малообразованным, неподготовленным; он откладывал свой отъезд и наконец решился отправиться, когда Проксен передал ему всю свою мудрость. В этом поступке рано обнаружилась та *сдержанная страстность,* которая составляла отличительную черту характера Аристотеля. Итак, в 367 году до Р. Х. он отправился довершать свое образование в Афины. И прибыл туда как раз не вовремя. Платона Аристотель там не застал; он в это время на три года уезжал во второй раз на Сицилию. Можно себе представить огорчение Аристотеля. Это неприятное событие в жизни Аристотеля имело, однако, очень важные и хорошие последствия. Хотя в то время в Афинах *слона-то* и не было, но все же Аристотель нашел там много людей, прекрасно знакомых с греческой философией вообще и с учением Платона в особенности. Не теряя времени, он принялся за изучение философии на месте ее происхождения. К приезду Платона он был уже хорошо знаком с основными положениями его философии. Может быть, этим объясняется то, что Аристотель не подпал совершенно под влияние учения Платона, а мог отнестись к нему критически. Результаты получились бы другие, если бы он

впервые познакомился с учением Платона от него самого и подчинился бы обаянию его личности.

В то время как любознательная молодежь со всех сторон стекалась в Афины, горя желанием учиться у Платона, философ странствовал по извилистым берегам или по обширным равнинам, предаваясь своим размышлениям и мечтам… Наконец он вернулся на родину и стал опять учить в Академии безвозмездно. Академия, то есть общественный сад в окрестностях Афин, была любимым местопребыванием Платона; от нее получила название основанная им школа. В саду Академии, украшенном статуями и храмами, росли величавые платаны; здесь же протекала с легким шумом небольшая речка, напоминавшая журчащий, скрытый зеленью ручеек, убаюкивающий тихою песнею дремлющие леса. Это был восхитительный уголок, как бы предназначенный для размышления. Его и потом воспевали поэты, он навсегда сохранился и в памяти философов. Но в этой роще олив, где птички Аттики все лето выводили свои громкие трели, ждало слушателей не одно приятное препровождение времени, но также упорный труд, сопряженный с продолжительным отвлеченным мышлением. Сам Платон был всегда погружен в глубокую меланхолию. Его большой, широкий лоб, от которого он получил свое прозвище, был постоянно нахмурен. Мощные плечи его были опущены, точно под тяжестью дум; такое бывает иногда у мыслителей. Он улыбался редко и никогда не смеялся. «Грустен, как Платон», – это вошло в поговорку. И в отношении нравственности поэтичный Платон был нетерпим и суров. Из числа его новых учеников Аристотель выделялся решительно всем, не исключая внешности. И зоркий взгляд великого учителя вскоре остановился на великом ученике. Внешность для грека имела громадное значение, потому что греки были великие художники. Грек свое отличие по сословию и происхождению выражал не в богатстве внешнего украшения, как это бывает на востоке, но большей тщательностью ношения одежды и прежде всего известным поведением и умением держать себя с достоинством. Высокообразованный афинянин отличался от варвара тем искусством, с каким он носил *гематий,* то есть переброшенный через плечи плащ. И в этом ношении плаща выражались не только отличия сословия, но также другие, чисто индивидуальные, особенности. Сравним в этом отношении два изображения – Демосфена и Аристотеля. И тот, и другой представлены в сидячем положении, в задумчивой позе, закутанными плащом. И все же, какая разница! Демосфен сидит, *низко* опустив голову, лоб его сморщен, как под влиянием

гнетущей печали. Плащ его совсем не по нем – широк и велик, он как будто не надет им самим, а наброшен кем-то другим ему на плечи; он, видимо, спустился на пол, а Демосфен наскоро захватил его рукой, сжатой в кулак; оттого образовались на нем самые беспорядочные складки. Совершенно иной вид представляет плащ Аристотеля; он, как видно по складкам, из хорошей, тонкой материи, и складки его такие ровные, свободные. Плащ облегает тело, как будто нечто неотъемлемо к нему принадлежащее. У Аристотеля видна и свободная манера держать себя, голова его не наклонена, а несколько подалась вперед. Думы, очевидно, его не тяготят, а действительно увлекают вперед – переносят в далекое будущее человечества. Нужно изумляться искусству греков выражать свои духовные особенности внешними признаками, а также их художникам, подмечавшим и передававшим все эти тонкости.

Крайняя живость Аристотеля возбуждала в Платоне постоянное желание его сдерживать. Аристотель же с юности своей не приучен был к лишениям и стеснениям, имел свои привычки и нравы, иногда не входившие в кодекс греческого философа. Аристотель не терпел, чтоб ему предписывали, как есть, пить и одеваться. Он любил женщин, хотя невысоко их ценил, и, вопреки обычаю, не находил нужным скрывать первого. Всем этим Аристотель вооружил против себя афинян, не желавших признать его за *истинного* философа. Отношения же Платона и Аристотеля имеют такое важное значение для уяснения личности последнего, что мы будем говорить о них в следующей главе отдельно.

Свободный образ жизни Аристотеля послужил основанием к различным взведенным на него клеветам. Говорили, что он в кутежах спустил свое состояние и для приискания средств избрал себе ремесло дрогиста.[1] В действительности же Аристотель, не терпевший стеснений, никогда не предавался излишествам; он знал медицину и в Афинах оказывал медицинскую помощь, когда за ней к нему обращались. Но в то время каждый медик изготовлял и продавал лекарства своим больным; отсюда возникла нелепая басня.

Аристотель провел в сообществе с Платоном семнадцать лет. Есть основание думать, что Платон любил своего гениального и непокорного ученика и не только передал ему все свои познания, но перелил в него всю свою душу. Между учителем и учеником образовалась самая тесная связь со всеми ее необходимыми последствиями: временными размолвками, горячими примирениями и так далее.

Аристотеля часто обвиняли в неблагодарности к Платону; но

лучшею защитою против этого обвинения служит то, что Аристотель сам говорит об отношениях своих к Платону. В элегии на смерть одного из своих любимых учеников он вспоминает своего учителя и говорит: «ему не решился бы сделать вреда самый злейший человек». Затем в «Никомаховой этике» он, как всегда в немногих, но сильных словах, высказывает, как тяжело ему, истины ради, говорить против Платона. Действительно, в полемике своей с творцом *идей* он всегда говорит в сдержанном и глубоко почтительном тоне. До смерти Платона Аристотель не открывал своей школы, хотя философские его воззрения давно были разработаны во всех подробностях. Несмотря на это, он учил только риторике. В своих чтениях он полемизировал с софистом Исократом, поражая его своими насмешками. Исократу в то время было около восьмидесяти лет. С ним, собственно, не стоило и сражаться, но Аристотель в его лице побивал всех софистов. В числе учеников Аристотеля в риторике был Гермий; раб Атарнейского тирана; впоследствии, благодаря дружбе со своим господином и своему высокому образованию, он сделался его преемником. Итак, Аристотель жил около двадцати лет, занимаясь больше, как теперь принято говорить, кабинетным трудом. Он стоял в стороне от всего, что наполняло политическую жизнь природного афинянина. В то время в Афинах все дышало глухою ненавистью к Филиппу Македонскому. Аристотель не мог разделить ее, потому что любил даровитого и просвещенного Филиппа, но не мог также не понимать, на чьей стороне была справедливость. Достоверно известно, что Аристотель оставил город Афины за 348 лет до Р. Х., в год смерти Платона, для того, чтобы путешествиями дополнить свое образование. Вместе с Ксенократом, преемником Платона, он посетил Среднюю Азию и принял приглашение любимого ученика, Гермия, тирана Атарнеи, погостить у него. Воспитанный в Афинах и преданный философии, пылкий Гермий лелеял мечту освободить все греческие города Малой Азии от персидского ига. Это было также заветной мыслью Филиппа Македонского, а для сына его Александра служило вечным предлогом для нескончаемых войн. Желания Гермия не мог не разделять Аристотель; нет сомнения, что у него была общая с друзьями политическая программа, и весьма вероятно, что ему в этом отношении принадлежала инициатива. Это можно заключить из того, что путешествию Аристотеля в то время все придавали характер дипломатической миссии. Диоген Лаэртский, однако, несправедливо говорит: афиняне отправили Аристотеля послом к македонскому царю. Из уцелевших данных Гермий рисуется нам человеком горячим, благородным, но малоосмотрительным.

Беглый грек Ментор, находившийся на службе у персидского царя, вовлек Гермия в заговор и затем выдал его Артаксерксу, который велел лишить жизни тирана Атарнеи. Эта смерть глубоко огорчила Аристотеля, может быть, еще более потому, что Гермий погиб за идею, созревшую в уме самого философа. Свое горе Аристотель излил в двух стихотворениях, которые уцелели и дошли до нас; одно из них было переведено на французский язык в 1832 году поэтом Дидо; это гимн добродетели. Вот его начало: «О добродетель, заставляющая людей покорять свою природу, ты первая из сокровищ, которые человек должен стараться себе завоевать. Ради тебя Греция, счастливая своим страданьем, неизменно переносит бесконечное горе. За твою святую красоту, благородная и чистая дева, она видит смерть своих сынов. Так прекрасен вечный плод, которым ты пленяешь души героев. Греки этот плод предпочитают знатности происхождения, золоту и сладкому покою…» Другое стихотворение – четверостишие, представляющее надпись над монументом, воздвигнутым Аристотелем Гермию в Дельфийском храме: «Один персидский царь, противник всех законов, умертвил того, кто здесь изображен. Великодушный враг постарался бы победить его открыто оружием; изменник выдал его, опутав сетями ложной дружбы».

И только! Сколько слов наговорил бы в подобных случаях современный нам человек!

Но древние греки выражали печаль свою немногословно; вообще, у них не в ходу был лиризм. Внутренняя жизнь лучших представителей этого народа выражалась всегда в создании чего-нибудь объективного. Греки никогда не говорили от своего лица о чувствах, а всегда влагали их в уста героев своих трагедий и комедий. И в настоящем случае Аристотель поступил как истинный грек: погиб его друг, которого он несомненно считал чистым душой и образцом добродетели, и он не оплакивает его потери в своих стихах, не выражает *своих* чувств, а поет в честь его гимн добродетели. Этот гимн послужил Горацию мотивом для создания одной из его лучших од. Весь этот эпизод в жизни Аристотеля весьма важен для нас еще потому, что бросает свет на политические убеждения великого Стагирита. Он был враг персов, иго которых считал величайшим злом для Греции. С македонским царем его сближала общая ненависть к персам, к варварству, а не глубокий космополитизм, как предполагали некоторые.

Итак, мы видим, что Аристотель далеко не безучастно относился к окружавшей его действительности. Вообще он умел глубоко и сильно чувствовать, а своим сдержанным поведением

оправдывал слова Гёте: «Только из замкнутых сил тонкая прелесть сквозит».

В Атарнее Аристотель женился на младшей сестре своего друга Гермия, Пифиаде; девушка осталась после смерти брата без защиты и без всяких средств к жизни. Аристотель принял в ней братское участие, а потом их сблизило общее горе.

Гнев персидского царя был так велик, что Аристотелю пришлось спасать жизнь молодой девушки и свою собственную. Ксенократ же возвратился в Афины. Дружба с Ксенократом, безусловно преданным учеником Платона, служит также доказательством добрых отношений между Платоном и Аристотелем.

Мы предположили, что Аристотель принимал активное участие в политической деятельности Гермия; это подтверждается фактом, что царь персидский упорно искал смерти философа, и для того, чтобы спасти свою жизнь, Аристотель удалился на остров Лесбос вместе с Пифиадой. Пифиада долго жила с Аристотелем, чувствовала себя с ним вполне счастливой; умирая, она завещала, чтобы кости ее положили в могилу любимого мужа. Пережив Пифиаду, Аристотель, как мы увидим, в завещании своем упомянул об этом желании Пифиады. Однако союз Аристотеля с Пифиадой представляется нам тихим, дружеским союзом. От Пифиады у Аристотеля была дочь, носившая то же имя.

После смерти Пифиады Аристотель женился на красивой рабыне своей Герпилис, от которой родился у него сын Никомах.

Во время своего пребывания на острове Лесбос Аристотель получил приглашение от македонского царя Филиппа приехать в Македонию и сделаться воспитателем сына его Александра.

Предание гласит, что в год рождения наследника престола Филипп написал Аристотелю письмо· следующего содержания: «Царь македонский приветствует Аристотеля. Извещаю тебя, что у меня родился сын. Но я благодарю богов не столько за то, что они даровали мне сына, сколько за рождение его во времена Аристотеля; потому что я надеюсь, что твои наставления сделают его достойным наследовать мне и повелевать македонянами».

Воспитанию Александра Аристотель посвятил три года. Философ занимался со своим царственным учеником всеми образовательными предметами, руководясь при этом тем чувством меры, которое было ему свойственно всегда и во всем. Ученик и учитель жили то в Пелле, то в Стагире, где для них был построен роскошный дворец Нимфеум, окруженный тенистыми садами; там долго сохранялась белая каменная скамья, на которой сидел Аристотель, беседуя с Александром. Во время

восьмилетнего пребывания своего в Македонии Аристотель более занимался наблюдением природы; это можно приписать отчасти влиянию воспоминаний, отчасти тому, что слишком разнообразная придворная жизнь мешала занятиям, требовавшим больших сосредоточенности и напряжения ума. Филипп, а потом Александр не жалели ничего, чтобы обеспечить Аристотелю возможность заниматься науками. Александр, обладавший сам склонностью к наукам, подарил Аристотелю сумму, составляющую на наши деньги около миллиона рублей; сверх того, более тысячи человек были заняты доставлением ему редких животных, растений и так далее. Отношений Александра и Аристотеля мы коснемся подробно в следующей главе. Смерть Филиппа застала Аристотеля еще в Македонии; он провел со своим воспитанником первые годы его царствования, но когда Александр отправился в поход в Азию, Аристотель уехал в Афины, оставив Александру вместо себя племянника своего и ученика, философа Каллисфена. Аристотелю в то время было пятьдесят лет.

Как ни отрадно было Аристотелю любоваться успехами своего бывшего воспитанника, он задумал переселиться из Македонии в Афины. К такому переселению не существовало, по-видимому, никаких внешних поводов. Благодарный ученик восстановил разрушенную Стагиру, родной город своего учителя. Признательные соотечественники воздвигли в честь него великолепное здание, где он прекрасно мог учить своей философии, окруженный любовью и почетом. Но Аристотеля влекла в Афины какая-то внутренняя сила; в те Афины, где он не мог без опасения сказать слова, где его терпели только благодаря тому, что ему покровительствовали македонские государи. Аристотель отправился туда с женой своей Пифиадой, с дочерью и с воспитанником Никанором. В Академии в то время главою платоновской школы был Ксенократ. Аристотель открыл свою новую школу в Ликее; прогуливаясь по тенистым аллеям, он учил два раза в день – утром и вечером; по утрам он беседовал о трудных предметах с учениками, знакомыми с началами философии, а по вечерам учил начинающих.

Некоторые историки утверждают, что Аристотель сопровождал своего ученика в первых походах в далекие страны, и приводят в подтверждение своих догадок наблюдения Аристотеля над жизнью животных, которых нелегко было перевезти в Македонию. Достоверно известно только, что в начале царствования Александра связывали с его бывшим учителем общие интересы, живою же связью между ними служил философ Каллисфен.

Любопытной чертой крайней живости Аристотеля служит то, что он не мог излагать лекции стоя, но говорил, ходя по тенистой аллее лицея в сопровождении слушателей. Блексли утверждает, что это делалось с гигиенической целью. Диоген Лаэртский говорит: эта привычка развилась вследствие заботы Аристотеля об Александре, которому он запрещал много сидеть. Как бы то ни было, от этой привычки школа Аристотеля получила название *перипатетиков,* то есть гуляющих философов.

Итак, мы видим, что Аристотель рано принялся учиться и поздно начал учить; в этом состоит его преимущество. Исключая немногие годы, отданные Александру Великому, он всю жизнь посвятил приобретению знаний и самостоятельной работе мысли. Аристотель сам утверждает, что после пятидесяти лет умственные силы слабеют; это пора, когда надо пожинать то, что раньше посеял. Так поступил и сам Аристотель; большая часть его сочинений написана в Афинах в последние тринадцать лет его жизни. Это был труд, способный поглотить все время. Вскоре после переселения Аристотеля в Афины умерла Пифиада; Аристотель горько оплакивал потерю жены и воздвиг ей мавзолей. Через два года после смерти ее он, однако, женился на своей рабыне, которую также нежно любил.

Все эти события жизни Аристотеля признаются всеми за истинные; сомнения возбуждает одна только хронология, да и то в известных пределах, не имеющих для нас большой важности.

Ксенократ, имея много учеников, завел между ними некоторую дисциплину, назначал из них по очереди архонтов и давал им банкеты. Это понравилось Аристотелю, и он завел то же самое в своей школе, присоединив, однако, новое правило, чтобы на банкеты ученики являлись не иначе, как в чистой одежде. Это характеризует Аристотеля и выдает неряшливость других философов его времени.

В те годы, когда Аристотель одно за другим писал свои сочинения и терпеливо разъяснял своим ученикам особенности своей философии, Афины представляли собой настоящий вулкан, готовый к извержению. Ненависть к македонянам клокотала в груди афинян; страсти готовы были вспыхнуть и произвести разрушительное опустошение.

Хотя Аристотель держался в стороне и вел себя как истинный мудрец, положение его с каждым днем ухудшалось, становясь не только неприятным, но прямо опасным. После же смерти Александра ему невозможно было оставаться в Афинах. Не имея никаких причин к его удалению, афиняне обвинили его в неуважении к богам, потому что он чтил память друга своего Гермия и жены Пифиады и воздавал им почести, приличные

только богам. Обвинителями Аристотеля явились двое подставных свидетелей. Аристотель оставил Афины, чтобы афиняне вторично не совершили преступления против философии; он имел в виду смерть Сократа. Из Афин Аристотель уехал в Халкиду, где вскоре и умер (322 год до Р. Х.) от болезни желудка; он страдал ею более или менее постоянно, и она в семье его была наследственной болезнью. Клевета преследовала Аристотеля всю жизнь; когда он умер естественною смертью, то распустили слух, что Аристотель убил себя, не желая предстать на суд перед Ареопагом. Но Аристотель был всегда против самоубийства. Поступки же его никогда не шли вразрез с убеждениями.

Некоторые отцы церкви впоследствии утверждали, что Аристотель утонул, бросившись в пролив, отделяющий остров Эвбею от континента Греции. Это приписывают отчаянию философа от невозможности объяснить в то время явление прилива и отлива. Такой вымысел заслуживает, однако, внимания потому, что свидетельствует о страстной любознательности Аристотеля, память о которой переходила из рода в род. Упомянутый же пролив Эврип представляет действительно одно из немногих мест Средиземного моря, в которых явление прилива и отлива особенно заметно.

Диоген Лаэртский сохранил нам завещание Аристотеля, в подлинности которого мы не имеем оснований сомневаться: таково мнение о нем многих авторитетов. Исполнителем своей последней воли Аристотель назначил Антипатра, полководца Александра Македонского. Мы приведем содержание этого завещания: «В случае моей смерти, – говорит Аристотель, – пусть Антипатр возьмет на себя исполнение моей последней воли. До тех пор, пока Никанор в состоянии будет принять управление моим имуществом, пусть о нем пекутся: Аристомен, Тимарх, Гиппарх и Теофраст; то же самое относится к моим детям и к Герпилис. Когда моя дочь вырастет, пусть ее отдадут Никанору; если она умрет до замужества или не оставит детей, Никанор наследует все мои богатства и делается властелином всех моих рабов. Никанор обязан заботиться о моей дочери и моем сыне Никомахе, чтобы они ни в чем не терпели недостатка; он должен заменить им отца и брата. Если Никанор умрет до женитьбы или не оставит детей, распоряжения его надлежит исполнить. В таком случае, если Теофраст захочет взять к себе мою дочь, то ему будут принадлежать и все права, предоставленные мной Никанору; если же Теофраст не пожелает жениться на моей дочери, тогда судьбою детей моих пусть распорядятся опекуны с Антипатром. Я прошу опекунов и Никанора помнить меня и не забывать, какую

привязанность питала ко мне Герпилис. Если она после смерти моей захочет выйти замуж, опекуны должны позаботиться о том, чтобы она не выбрала человека, стоящего ниже меня по рождению. В случае замужества дать ей сверх всего, что она от меня получила, талант серебра и три служанки, если она пожелает взять последних. Если захочет она жить в Халкиде, то дать ей помещение, смежное с садом; если же предпочтет Стагиру, пусть занимает дом моих предков… Я даю свободу Амбрацис и назначаю ей в приданое пятьсот драхм и одну рабу, а Тале, сверх того участка земли, который я ей купил, одну молодую рабу и тысячу драхм… Тахо получит свободу после замужества моей дочери. Тогда же освободить Филона и Олимпию с ее сыном. Детей моих слуг не продавать, но отдать их в услужение моим наследникам до их совершеннолетия, а затем, если окажутся достойными, освободить. Я прошу также окончить и поставить на место заказанные мной статуи (в честь Проксена и его жены). В мою могилу положить кости Пифиады, как она сама того желала. Завещаю также выполнить обет, данный мной за сохранение жизни Никанора, – поставить в Стагире статуи животных из камня в честь Юпитера и Минервы спасителей». Тело Аристотеля было перевезено из Халкиды в Стагиру, где его сограждане воздвигли ему роскошный мавзолей, носивший его имя; он существовал довольно долгое время, наконец, исчез с лица земли, как ни был он прочно построен. Нерукотворный памятник, как всегда, пережил мавзолей; имя Аристотеля сделалось бессмертным. В данном, впрочем, случае нас интересует главным образом то, что было в Аристотеле простого-смертного. В этом отношении завещание является для нас весьма ценным документом; оно освещает нам личность философа и те условия жизни, в которых он находился. По всей вероятности то, что мы привели здесь, представляло только часть завещания; мы не находим в нем никаких распоряжений относительно библиотеки, которая, как известно, отказана была Теофрасту, ученику и преемнику Аристотеля.

Несмотря на все это, повторяем, приведенное нами завещание имеет большое значение. Философа принято считать человеком не от мира сего, равнодушным ко всему житейскому, взирающим с высоты своего величия на мелочи жизни. Не таким является нам Аристотель в своем завещании. Заботливость его о близких к нему людях отличается теми подробностями, которые характеризуют истинную привязанность. В нем сквозит та нежность, которую сам Аристотель считал украшением мужчины; он говорит: если мужчина желает быть пленительным, он должен занять у женщин грации и нежности, и если женщина желает

покорять сердца, она должна обладать известною долей мужества.

Следует также обратить внимание на отношение Аристотеля к своим рабам. Аристотеля принято считать ревностным защитником рабства. Из завещания же его видно, что в сердце своем он не мог не признавать в них тех же людей: он заботился об их участи после своей смерти так же, как о членах собственной семьи. Нас поражают все житейские подробности, в которые входит этот великий человек, успевший сделать так изумительно много для отдаленных времен. Это тесное общение с действительностью и внимательное отношение ко всему · окружающему составляли особенность Аристотеля, резко отличающую его от всех других философов. Что касается его отношений к рабам, то лучшим доказательством тому, что он не считал их низшими существами, служит то, что сам он женат был на рабыне, а лучший друг его Гермий был раб по происхождению. Когда мы будем говорить о «Политике» Аристотеля, мы приведем его мнение о рабстве, и читатель увидит, что считать Аристотеля защитником рабства – тоже клевета…

Нам остается сказать несколько слов об отношении Аристотеля к своим современникам, к той партии демагогов, которая заставила его удалиться из Афин. Он мало высказывался об этом при жизни; говорить и даже писать было для него небезопасно; он наблюдал проявления страстей с тем спокойствием, с каким отмечал явления бурь и направления ветров.

Один из древнейших писателей говорит по этому поводу: «Во дни Соломона мудрость подняла голос на площадях, но не была услышана. Так продолжается и до сих пор. На площадях нет места для мудрости. Мудрость требует спокойного размышления; на площадях же всегда шум и суматоха. Аристотель проникнут презрением к толпе, а толпа в свою очередь питает инстинктивное презрение к Аристотелю. Крайние мнения, выраженные резким языком, имеют в толпе наибольшую популярность».

В неограниченную демократию вообще, и особенно в крайнюю демократию того времени, Аристотель не имел никакой веры, замечая саркастически, что хотя афиняне и открыли две полезные вещи: пшеницу и свободу, но умели пользоваться только первою, а другою пользовались короткое лишь время, и то для того только, чтоб злоупотреблять ею.

Касаясь отношений Аристотеля к Платону, мы уже говорили, что первый ни в одежде, ни в образе жизни не подчинялся, так сказать, философскому уставу. Любовь к свободному проявлению

своих склонностей была также особенностью Аристотеля, оказавшей благотворное влияние на сохранение его сил; ей, может быть, философия его обязана своей жизненной мощью.

Аристотель прожил честно, свободно и просто на земле шестьдесят три года. В этой жизни нет никаких нравственных подвигов, никаких особенных событий, на которые мог бы, широко раскрыв глаза, воззриться всякий простой смертный. Но мы берем на себя смелость сказать, что такою должна быть жизнь человека, умственная деятельность которого предназначена служить потомству и отдаленным векам. Такая жизнь должна быть достойна своей великой участи, но нравственные подвиги, которыми человечество восторгается, необязательны для истинного ученого: они требуют большой затраты сил и времени. Мы будем говорить об этом подробнее, разбирая этику Аристотеля. Теперь же ограничимся замечанием, что жизнь Аристотеля служит живым выражением нравственного идеала, заключающегося в его этике. Аристотель жил среди людей настолько, что мог прекрасно их знать и понимать, но он не вмешивался в дела толпы, не заражался мелкими интересами дня, а стоял в стороне, почему и мог спокойно заниматься умственным трудом, который всегда зреет в тиши. Такой мирный труд требует, может быть, больше, чем всякий другой, чистой совести, поэтому жизнь ученого должна быть свободна от всего, что влечет за собой ее упреки. В этом отношении Аристотель был безупречен. Мы видели, что его непрерывный, напряженный умственный труд не мешал ему отдать должное жизни. Он был верный, нежный и постоянный друг, хороший семьянин и вообще любил людей и желал им добра, несмотря на то, что клевета преследовала его постоянно. В юности его обвиняли в черной неблагодарности к учителю, затем ему приписывали выдачу персам друга его Гермия и наконец отравление Александра Македонского. Мы останавливаемся здесь на самых крупных обвинениях, а сколько было еще мелких, которые всю жизнь преследовали его. Но мелкие клеветы всеми забыты, крупные клеветы были настолько неправдоподобны, что с течением времени они неминуемо должны были отделиться от светлой личности Аристотеля и кануть в Лету. Теперь личность Аристотеля является перед нами вполне чистою, точно высеченною рукой искусного художника из куска цельного белого мрамора.

Глава I

Аристотель и Платон. – Аристотель и Демосфен. – Аристотель и Каллисфен. – Аристотель и Александр Великий. – Два рода бессмертия. – Бессмертная жизнь и бессмертные мысли

Мы дали краткий очерк достоверно известного из жизни Аристотеля. Мы отметили немногие, но резкие черты, которые рисуют нам личность великого Стагирита в истинном свете, хотя, может быть, и не полно. Для того чтобы осветить главные ее способности, мы сравним Аристотеля с другими известными нам личностями его времени: с Платоном, с Демосфеном, с Александром Македонским и с Каллисфеном. Платон, потомок Кодра и Солона, уже по одному своему происхождению был как бы предназначен сделаться автором аристократической «Республики», стать тем идеалистом-философом, для которого идея – все, а вещество есть нечто суживающее, ограничивающее идею, даже оскверняющее ее. Он смотрел на мир вдохновенным взором. Его можно назвать поэтом-философом, который тяготился действительностью и только в области вечного и идеального чувствовал себя как дома. Вся умственная деятельность Платона проникнута благородною и рыцарскою смелостью; он ищет приключений и любит таинственное. Историк Вебер говорит: мысль Платона это не мещанка, жизнь которой проходит на рынке и в мастерской и которая видит целый мир в своем родном уголке; нет, это аристократка, познавшая свет и удалившаяся в свой уединенный замок; она любит с высоты своего величия смотреть в туманную даль; держась в стороне от всего, что волнует площадь, она имеет сношение только с избранными и с ними она говорит благородным, изящным языком, каким едва ли когда говорили в отечестве Граций. Аристотель во многих отношениях представлял резкую противоположность Платону; нельзя сказать, чтобы он любил людей толпы, как Сократ, происходивший из семьи ремесленников, но он не чувствовал к ним брезгливости, отличавшей Платона. Ремесло отца и свои собственные занятия медициной не дали развиться этому, если хотите, красивому, но вредному чувству брезгливости. Аристотель хотя и рос при македонском дворе, но не видел примеров высокомерного обращения с людьми, потому что в то время отношение македонских государей к придворным было простое, дружеское,

патриархальное. Это видно из того, как возмущались македоняне, когда Александр, плененный персидским придворным церемониалом, вздумал вводить его при своем дворе. Мы видели, что Аристотель пришел к Платону уже со сложившимся характером и привычками, поэтому никогда не мог вполне проникнуться его влиянием. Платон был на сорок пять лет старше Аристотеля. В то время как явился к нему Аристотель, он уже приобрел привычку иметь дело с учениками, безусловно принимавшими его идеи. В Аристотеле для него было нечто совершенно новое, что его неотразимо влекло и в то же время глубоко отталкивало. Пытливый и в высшей степени живой ум Аристотеля приводил его в восторг своею обширностью, но ему не нравилось, что он направлен был на изучение действительности. В то же время он чувствовал себя бессильным изменить ненавистное ему направление ума своего ученика.

Греки были люди несравненно более цельные чем мы; их поступки и все мелочи жизни совершенно отвечали их убеждениям, особенностям их умственной деятельности. Форма выражения у них являлась характеристическим признаком содержания. Избрав форму диалога, Платон знакомит нас одновременно и со своею философскою системою, и с историей ее образования, открывая тот путь, каким она возникла в кружке Сократа. Эта форма, наводящая скуку в других сочинениях, отличается у него живостью, естественностью и правдой. Перед вами открывается драма умственной жизни. В отношениях Платона и Аристотеля было также много драматического. Платон называл Аристотеля душой своей школы и в то же время не мог равнодушно смотреть на его тщательно и даже щегольски обутые ноги. Ему казалось, что дерзкий, независимый ученик этими самыми ногами попирает то глубокое презрение ко всему житейскому, которое он воспитал и вскормил в своей горделивой душе. И это, в сущности, так и было. Аристотель был убежден, что в жизни человека все заслуживает внимания и изучения; презрительное отношение Платона к мелочам жизни его также возмущало. Мор в своей «Moral Philosophy» говорит справедливо: читатель, переходящий от сочинений Платона к сочинениям Аристотеля, прежде всего поражен полным отсутствием той драматической формы и того драматического чувства, с которыми он так свыкся. Он уже не видит живых людей, с которыми он беседовал. Он уже не живет среди Протагора, Продика и Гиппия, возлежащих на ложе и окруженных толпой почтительно им внимающих учеников; нет более прогулок вдоль городских стен и чтений у берегов Илисса; нет более оживленных пиров, дающих повод к красноречивым беседам о любви, нет

Крития, рассказывающего о том, что слышал он во дни своей юности, когда еще не был тираном древней и славной республики. Но главным образом читателю не хватает Сократа, фигурирующего неизменно во всех группах и выделявшегося своей мощной фигурой, своей индивидуальностью, того Сократа, смотря на которого можно было убедиться в совместимости диалектической тонкости с величайшим юмором и чистосердечием и любовью к людям. Быть может, всякий, принимаясь за чтение Аристотеля, ощутил светлую грусть, не видя более перед собою прекрасных и ясных образов, но глубокий читатель все-таки сознает, что, расставшись с платоновскими диалогами, он в значительной степени вознагражден ясностью мысли и слога. Читая Аристотеля, чувствуешь, что имеешь дело с глубокомысленным и строгим судьей.

Характеризуя слог Платона, Аристотель говорит, что он составляет нечто среднее между стихами и прозой. Сохранились некоторые изречения Платона, замечательные по своей красоте, например, следующее: «Ты смотришь на звезды, жизнь моя! О как хотел бы я быть этим звездным тысячеоким небом, чтобы глядеть на тебя». Платону, мы знаем, не нравились ни образ жизни Аристотеля, ни его манера держать себя и одеваться. Аристотель одевался изысканно и несколько причудливо; его обувь отличалась особенной опрятностью; волосы его были щегольски подстрижены, и это было также не во вкусе Платона. Тонкие, гибкие пальцы Аристотеля были украшены множеством колец. Его небольшой, хорошо очерченный рот неизменно сохранял саркастическое выражение в то время, как он говорил с замечательною легкостью. Все это казалось Платону несовместимым с характером философа и было причиной того, что Платон оказывал предпочтение Ксенократу, который впоследствии занял место Платона в Академии. Однако Платон отдавал должное и Аристотелю: его дом он называл «домом чтеца»; в этом заключался намек на необыкновенную начитанность Аристотеля. Сравнивая Аристотеля с Ксенократом, Платон говорил, что для первого необходимы вожжи, для второго кнут, очевидно, разумея необыкновенную живость Аристотеля, которую, как мы говорили, ему приходилось сдерживать.

Склонный к анализу и исследованию действительности, Аристотель резко отличался от своего учителя. Греки были восторженные любители пламенного, цветистого красноречия. Изложение Платона отвечало их вкусу; скупой на слова Аристотель долгое время мало их привлекал. Аристотель нисколько не стремился нравиться афинянам, оставаясь при своем убеждении, что язык должен соответствовать предмету, и

сознавая, что его изложение отвечало самому духу его философии. Аристотель относился к Платону как-то двойственно. Сознательно Аристотель был проникнут глубоким уважением к Платону, а инстинктивно он не мог не раздражаться этим вечно вдохновенным взором, не замечавшим ничего земного. Диалектические тонкости Платона казались Аристотелю пустою тратою времени. Платон представлял собой тип ума дедуктивного, математического ума; Аристотель же, по природе своей, склонен был к индукции. Существует мнение, что Платон и Аристотель олицетворяли собою всю греческую философию. Можно сказать больше: они вместе воплощают в себе все свойства человеческого ума со всеми их различными оттенками. Платон любил находить всюду сходство между вещами, Аристотель же с любовью останавливается на их различии. И у Платона, и у Аристотеля умственная деятельность преобладала, ею совершенно определялся нравственный характер того и другого; этот характер проявлялся во всех мелочах, которыми Платон и Аристотель постоянно кололи друг другу глаза. Здесь не место пускаться в рассуждение о причине антагонизма двух различных типов человеческого ума, потому что и в настоящее время существуют эти два типа умов и между ними всегда замечается антагонизм, выражающийся в более или менее резкой форме. Мы не имеем возможности проводить далее параллель между Платоном и Аристотелем, но думаем, что она ведет к изучению этих двух типов ума.

Если параллель с Платоном характеризует Аристотеля главным образом со стороны умственной, то сравнение с современником его Демосфеном оттеняет личность Аристотеля в отношении ее к действительности того времени. Жизнь Демосфена рисует нам самыми яркими красками то, что переживал в то время в Афинах человек не пришлый, каким был Аристотель, а кровно с ними связанный. Афины гибли, и, чтобы спасти их, надо было прежде всего победить их беспечность и раскрыть им замыслы Филиппа. Но для последнего надо было хорошо говорить, и вот мы видим, что косноязычный Демосфен подвергает себя всяким лишениям, труду и испытаниям и наконец достигает красноречия, которое афинянам было в то время необходимо как воздух. Но все это только начало страданий человека, который в то время воплощал собою истерзанное сердце Афин. Это была лихорадочная жизнь: надежда сменяла отчаяние и отчаяние заступало место надежды. Любовь к погибающей отчизне брала верх у этого настоящего патриота над всеми остальными чувствами. Когда разнеслась весть о смерти Филиппа, Демосфен, предаваясь неистовой

радости, расхаживал по улицам Афин с пестрым венком на голове, несмотря на то, что это было через несколько дней после смерти его нежно любимой дочери. В первой главе мы говорили уже, насколько отличался своею внешностью Демосфен от Аристотеля. А у греков внешность имела большее значение, чем у нас. Сознавая, что отечество в опасности, Демосфен вместе с другими демагогами бесцеремонно хватал всякого за шиворот, заставляя почувствовать эту опасность и спасать родину. Как ненавистен был ему в это время Аристотель, спокойно наблюдавший своими зоркими глазами симптомы этой агонии! Подобное еще можно было простить Платону, ум которого вечно витал в облаках, но не Аристотелю, этому *земному Богу*. Объективность Аристотеля обусловливалась не одной любознательностью, заглушившей все остальные чувства. Мы видели, с какою страстною ненавистью относился он к Персии, как живо чувствовал семейное горе и радости; безучастность его к тому, что волновало в то время афинян, имела другие причины. Он был, как мы видели, полугрек, полумакедонянин и поэтому не мог разделять увлечений демагогов, а смотрел на них со стороны; последнее же было очень невыгодно для них. Они на каждом шагу творили безобразия, которых не мог не замечать этот вечно размышлявший наблюдатель. Демосфен был палачом всего свободного, индивидуального в человеке; Аристотель же, как нам известно, стоял за неприкосновенность индивидуальности.

Демосфен и Аристотель оба умерли в один год. Таким образом Греция почти одновременно лишилась *и своего сердца, и своей головы,* Аристотель, как мы видели, умер от болезни, с которой всю жизнь упорно боролся. Он не был и не мог быть великим патриотом. Демосфен же сам лишил себя жизни, доказав, *что не робкое сердце в нем билось, что умел он любить и страдать.*

От Демосфена мы перейдем к философу Каллисфену, родственнику и воспитаннику Аристотеля, которого последний, как говорят, оставил вместо себя при Александре Македонском. Эта своеобразная, нравственно красивая личность интересна и сама по себе, и в связи с Аристотелем, потому что через нее выразились взгляды Стагирита на житейские отношения.

Мать Каллисфена, Геро, была племянницей Аристотеля. Аристотель послал Каллисфена к своему ученику как представителя науки и философии; Каллисфен сопровождал македонского царя в отдаленных путешествиях и походах. Зная характер Александра, не выносившего противоречий, Аристотель советовал Каллисфену не выражать резко своих мнений, чтобы не раздражить македонского царя, избалованного победами и

привыкшего к лести царедворцев и к глубокой покорности.

Гордый и независимый Каллисфен не хотел или не мог следовать внушениям своего родственника. Александр, опьяненный своей славой, становился все заносчивее: он утверждал, что происходит от богов, и не знал предела своему ненасытному честолюбию. В это время ему очень пришлись по сердцу придворные обычаи персов, заключавшие в себе много унизительного для подданных. Македоняне, привыкшие к благородной простоте своих монархов, возмущались такой переменой, и Каллисфен открыто принимал их сторону; он явился перед царем выразителем того чувства, которое питал каждый неиспорченный македонянин. Смелость его была вызвана не одной только природной гордостью, но также большой привязанностью к Александру или, вернее, ко всему, что в нем было сильного, прекрасного. Воспевать славу Великого Александра было потребностью его пылкой души, но для этого ему было необходимо, чтобы жизнь героя не омрачалась недостойными действиями; отсюда то страстное, двойственное отношение к Александру, которое в конце концов привело к роковой развязке. Каллисфен был первым историком царствования Александра, от руки которого он, однако, и погиб. Об основных причинах раздора между Александром и Каллисфеном мы уже говорили; поводом же к нему послужил, как утверждает Плутарх, спор Каллисфена с Анаксаргом, происходивший в присутствии Александра. Шла речь о климате и температуре; Каллисфен говорил, что климат местности, в которой они находились в то время, суровее климата Греции. Анаксарг поддерживал противоположное мнение. Каллисфен, возражая ему, заметил между прочим: «Согласитесь же сами, что в Греции вам приходилось спать ночь под одним легким одеянием, а здесь вам мало и трех толстых ковров». Противник обиделся, приняв это за намек на свое прошлое бедственное состояние, и начал против Каллисфена козни вместе с другими софистами. Последние были люди мстительные и лживые, стремившиеся опровергать самые очевидные истины.

Каллисфен, будучи учеником Аристотеля, занимался исследованием явлений природы и записывал свои наблюдения, доставляя Аристотелю материал для выводов. Таким образом связь Каллисфена с Аристотелем была, так сказать, органическая – кровная. Легко понять, что должен был перечувствовать Аристотель, узнав, что Каллисфен погиб от руки его царственного ученика.

Софисты и льстецы сердились на Каллисфена за то, что молодежь увлекалась его красноречием; любили его и пожилые

люди за глубину его мыслей, умеренность и правильность образа жизни. Каллисфен был родом из большого и цветущего города Олинфа, разрушенного Филиппом. Аристотель убедил его сопровождать Александра в Азию, обещая добиться от Александра восстановления его родного города и возвращения на родину его сограждан. Каллисфен не скрывал истинной цели своего пребывания в Македонии. В характере Александра в то время произойти уже резкие перемены, которые не нравились независимому философу; он часто отказывался от царских приглашений, а когда бывал у царя, то всегда смотрел на него мрачными глазами и хранил глубокое молчание. Александр чувствовал и имел полное основание подозревать, что Каллисфен не одобряет его образа жизни и поступков. Это сдержанное глубокое недовольство было острым ножом для Александра; он говорил: «Я ненавижу мудреца, у которого не хватает мудрости пересилить самого себя».

Мы говорим, что Каллисфен был нервом, соединявшим Аристотеля с Александром. В отношениях Александра к Каллисфену проявлялось до некоторой степени то, что испытывал он к Аристотелю. Мы сказали, что Каллисфен вырос в доме Аристотеля и был не только его учеником, но также и воспитанником. Но он был значительно моложе Аристотеля и на беду свою, как мы видели, отличался меньшею сдержанностью.

Плутарх рассказывает, что однажды у царя македонского было, по обыкновению, много гостей, в числе их невольный собеседник и гость Каллисфен. Когда Каллисфену подали кубок с вином, то все стали его просить сказать хвалебную речь македонянам. Он выполнил это со своей полугрустной, полупрезрительной улыбкой, но говорил так хорошо, что вызвал неистовые рукоплескания. Гости не могли усидеть на своих местах и забросали его венками. Но царь ему заметил: «На богатую тему нетрудно хорошо говорить, не так легко тебе было бы сказать что-нибудь против нас. А может быть, это было бы полезней, послужило бы к нашему исправлению». Каллисфен согласился и на это; откровенно и смело выставил он недостатки македонян, сказал, что могущество Филиппа целиком создано раздорами греческих государств между собой и заключил свою речь стихом из Эврипида: «В мятежное и смутное время возвыситься могут и злейшие люди». Эта речь возбудила к нему ненависть. Александр сказал: «Всем этим ты убедил нас больше в своей к нам ненависти, чем в ораторском таланте».

Термин, уроженец Смирны, написавший биографию Аристотеля, свидетельствует, что все это с мельчайшими подробностями сообщено было Аристотелю Стрэбом, чтецом

Каллисфена. Тот же Стрэб писал Аристотелю, что Каллисфен, заметя сильный гнев Александра, три раза подходил к нему, говоря: «Умер Патрокл, несравненно тебя превосходнейший смертный». Аристотель, зная характер Александра, ужасался безумной смелости Каллисфена и совершенно ее не одобрял. Это объясняется не одной житейской опытностью, какою в то время обладал Аристотель, но теми воззрениями на нравственность, с какими мы познакомимся в этике Аристотеля. Основным правилом этики Аристотеля было: «Ничего через меру». Поступки же Каллисфена прямо противоречили этому правилу. Каллисфен, хотя и был воспитан Аристотелем, все хватал через край и потому погиб. Это, может быть, еще более убедило Аристотеля в справедливости его нравственных воззрений. Во всех других отношениях Каллисфен мог служить и служил представителем Аристотеля при македонском дворе. И к науке, и к философии, и к Александру Македонскому он относился так же, как и сам Аристотель.

Нам остается теперь дополнить несколькими чертами историю отношений Аристотеля к Александру Македонскому, которых мы коснулись в первой главе. Приехав в Македонию по приглашению друга своего Филиппа Македонского, Аристотель деятельно принялся за воспитание Александра. Молодой Александр был замечательно щедро одарен от природы. Несокрушимая сила уживалась в нем рядом с большою нежностью и восприимчивостью. Плутарх рисует его живым и целомудренным юношей. Он вскоре всей душой привязался к Аристотелю и говорил сам, что любил Аристотеля не меньше родного отца; отец дал ему жизнь, Аристотель же учил его жить хорошо и любить добродетель. История не сохранила подробностей воспитания великого монарха великим философом, но можно себе представить, какие чувства внушал Аристотель своему питомцу. Он сам в то время был проникнут живейшей ненавистью к Персии и был убежден в гибельности персидского ига для цивилизованных народов. Он сознательно и бессознательно разжигал честолюбие в своем ученике и внушал ему ненависть к Персии. Александр не расставался с «Илиадой» Гомера, и любимым его героем всегда был Ахилл. Любовь к Гомеру была так велика и постоянна, что он и в позднейшие годы никогда не расставался с этою книгою, даже во время походов держал ее у себя днем под седлом, а ночью под изголовьем. Аристотель дал чисто энциклопедическое образование Александру, сообщил ему свои медицинские познания и развил вкус к исследованиям природы. Известно, что Александр впоследствии лечил своих приближенных. Александр рос и

развивался не по дням, а по часам и по смерти отца своего вступил на престол двадцати лет от роду. Афинские демагоги ожили и подняли свои головы при известии о смерти Филиппа. В Афинах презрительно относились к молодости Александра, который говорил: «Демосфен называет меня ребенком; под стенами Афин я покажу ему, что я теперь вырос и возмужал». Действительно, афиняне это скоро почувствовали, и надежда на освобождение их покинула снова. Первые шаги Александра на поприще монарха Македонии были не только блестящи, но и прекрасны. Аристотелю выпало в то время на долю счастье видеть, как все посеянное им в душе ученика прекрасно взошло. Мы знаем, что Александр осыпал милостями своего учителя и тратил большие суммы для доставления ему богатых коллекций редких животных, растений и минералов. Любовь его к науке была настолько известна, что покоренные им народы подносили ему свои астрономические наблюдения, которые он передавал Каллисфену для пересылки их Аристотелю. Аристотель с глубокою страстью предавался своим наблюдениям, исследованиям и размышлениям в то время, как от руки его ученика падали городские стены; и в ушах Стагирита постоянно раздавался несмолкаемый гром побед македонского государя. Не так легко было Аристотелю покорять умы афинян. Перед ним преклонялись, у него действительно учились немногие. Семья перипатетиков была не особенно велика. Философия Аристотеля, как мы сказали, заключала в себе чуждый элемент для афинян – естественнонаучную подкладку. Она туго принималась и росла, как сосна, пересаженная из песчаной почвы в черноземную. Слава Александра между тем все увеличивалась, но в то же время сверхъестественные успехи, лесть и поклонение его опьяняли. Он редко приходил в себя, и до Аристотеля все реже и реже доносился его человеческий голос. Радуясь победам его в Персии, Аристотель сокрушался, что победитель покорялся сам персидским нравам.

Мало-помалу Аристотель совершенно охладел бы к Александру, если бы глубокая привязанность к ученику не была вырвана из души его с корнем, оставив, конечно, в ней глубокую, неизлечимую рану. Нибур говорит: Александр в юности был бесспорно привязан к Аристотелю; в этом нет ничего удивительного: тигренок и львенок также лижут руки у тех, кто ухаживает за ними в детстве, и это продолжается до тех пор, пока не разовьется в них зверство. То же можно сказать об Александре: удачи и постоянные войны превратили в зверя этого по природе своей совершенного человека. Добросовестные историки свидетельствуют единогласно, что никаких изображений

Александра не уцелело, сохранилось только следующее описание его наружности: черты лица его были чрезвычайно тонки и правильны; цвет лица матовый, нежный; орлиный нос, живые, огненные большие глаза и белокурые вьющиеся волосы; он был среднего роста, строен и гибок. Его тело отличалось удивительной пропорциональностью и крепостью, мускулы его были хорошо развиты упражнением. Слух у него был тонкий, голос сильный и звучный. От всего его тела, белого и нежного, распространялся какой-то удивительный аромат. Он высоко держал свою голову, слегка наклоняя ее к левому плечу, по свидетельству других – к правому. В глазах его, однако, замечалось какое-то неправильное движение, говорившее о его чрезмерной, безумной любви к славе. Такое описание служит доказательством удивительной наблюдательности греков и рисует нам Александра лучше, чем всякий портрет. Можно себе представить, какое сильное впечатление производил Александр на своих современников, когда даже спустя много лет его набальзамированное тело внушало восторг Юлию Цезарю и Августу. Цезарь признался, что для него это было самое интересное в Александрии, Август же вынул его из гроба, надел ему на голову золотую корону и осыпал его цветами. Власть Александра над людьми заключалась в обаянии его необыкновенной личности.

После смерти Каллисфена сношения Александра с Аристотелем были столь же редки, сколь и тягостны для них обоих. Глубокое молчание обеих сторон говорило яснее слов о том, что происходило в душе каждого из них. В Александре было столько хорошего, что он не мог не чувствовать угрызений совести; необходимо же было чем-нибудь их заглушать, и болезненная жажда ослепительной славы все росла и росла. По временам сознание освещало ему мрак земли могильной; в такие минуты он, конечно, любил Аристотеля, но он, разумеется, избегал их, потому что тогда перед ним всплывали образы его жертв: Клита и Каллисфена!

Из биографии Аристотеля ничего не известно о его сношениях с Александром в последние годы жизни царя; однако, видно, что философ находился в постоянном общении с лицами, приближенными к македонскому государю. Полководец Александра Антипатр был другом Аристотеля; мы видели, что философ поручил Антипатру исполнение своей последней воли, сделав его своим душеприказчиком. Александр под конец своей недолгой жизни (он жил тридцать три года) перестал надеяться на покровительство богов и сделался подозрительным и недоверчивым ко всем, кто считал его человеком, а не богом.

Более всех он опасался Антипатра и его сыновей; младший из них, Кассандр, только что прибыл из Афин, где, очевидно, находился в тесных сношениях с Аристотелем. Кассандр, увидев, как персы падают в ноги Александру, громко рассмеялся, потому что, получив воспитание в Греции, он никогда не видел ничего подобного. Александр рассердился, схватил его за волосы и сильно ударил об стену. Когда Кассандр назвал клеветниками каких-то македонян, приехавших издалека, Александр заметил: «Кто же поедет так далеко, чтобы без малейшего основания клеветать на твоего отца». Находчивый Кассандр отвечал: «Для этого и надо было уехать подальше, ведь на месте их легко было бы уличить во лжи». Александр, услышав такой ответ, сказал с презрительным смехом: «Вот образец софизмов учеников Аристотеля, они одинаково хорошо умеют говорить и за и против». И это был последний дошедший до нас отзыв великого завоевателя о своем учителе. В оправдание ему можно сказать, что он тогда находился уже в ненормальном состоянии. Плутарх говорит, что Александр в то время весь свой досуг проводил в гадании, при этом он сильно волновался и самые незначительные вещи считал чудом и худым предзнаменованием…

Бессмертный учитель и бессмертный ученик живут и теперь в памяти людей, но представляют резкие примеры двух видов бессмертия. Александр Македонский жил так, как будто чувствовал, что каждому его слову и движению предназначено жить в потомстве; это была не жизнь, а какая-то бессмертная драма жизни, у которой автор и исполнитель – одно лицо. Деятельность Александра не оставила ни малейшего следа даже в самом ближайшем к нему будущем, но его *жизнь* врезалась в память людей. Писать биографии Александра находилось всегда бесчисленное множество охотников. Аристотель в этом отношении был далеко не так счастлив; его жизнь известна не только менее жизни Александра, но о ней знают немногое сравнительно с жизнью Сократа и Платона, может быть потому, что Аристотель завещал потомству не свою жизнь, а свои мысли, жизнь же его послужила только простым и прочным пьедесталом для такого рода бессмертия.

Глава III

Общий характер философии Аристотеля и сравнение ее с философией Платона. – Логика Аристотеля. – Реальное знание согласно Аристотелю. – Физика. – Астрономия. – Метеорология. – Учение об органической природе

В философии Аристотеля нужно отличать критический разбор учений, ему предшествовавших, от развития его собственной философии. Бэкон утверждал, будто Аристотель разбирал мысли прежних философов единственно для того, чтобы их опровергнуть и затем одному безраздельно владычествовать в науке и в философии. Но это неверно; великий Стагирит не обладал таким безграничным честолюбием, как великий канцлер. Критические разборы Аристотеля отличаются сдержанностью и справедливостью; он не искажает мыслей своих предшественников, а стремится дать о них верное понятие. Потомство оценило такое отношение Аристотеля к философии древних. Сочинения Аристотеля служили и служат лучшим источником сведений о греческих философах. Прежние учения сделались основой его собственного вполне самобытного учения; последнему суждено было бессмертие в будущем также и потому, что оно было органически связано с прошлым.

Аристотель, как и предшественник его Платон, имел самое возвышенное мнение о назначении философии. В первых книгах своей «Метафизики» он говорит: философия есть наука, имеющая предметом исследование первых начал и причин вещей или сущности явлений. Многие науки нужнее философии, но она выше всех наук. Все другие знания имеют целью удовлетворение нужд житейских, а философия чужда всякой корысти. Она зарождается в то время, когда добыты средства для удовлетворения физических потребностей. Источник философии – это наше стремление постигнуть все непонятное и поразительное силою мысли. Впрочем, сочинение Аристотеля собственно о философии, в котором он излагал подробно свои понятия об этой науке, потеряно.

Аристотель, соглашаясь с Платоном, что предмет философии – исследование *сущности* вещей, расходился со своим учителем в определении последней. У Платона сущность вещей отделялась от *них самих* и обитала в царстве вечных и неизменных идей. В глазах Аристотеля *сущность* вещей и явлений заключалась *в них самих;* исследуя эти явления, наука составляет общие понятия,

устанавливает начала и через сочетания их образует свои теории и доказательства. Платон утверждал, что всякое явление только *затемняет,* портит свою идею; Аристотель же, наоборот, говорит: «Каждое явление проникнуто идеей и служит живым ее выражением». Платон, не выходя из идеального мира, не объяснял явлений; Аристотель первый поставил новую задачу философии: исходить из общих начал для объяснения частных явлений.

Наконец Аристотель отделил в философии науку о явлениях внешнего мира от учения о нравственности. Этим он оказал величайшую услугу знанию. Указав философии новую цель, Аристотель дал ей и средства для достижения этой цели, которые заключаются в его логике. В сочинениях его, относящихся к логике, он рассматривал различные формы нашего мышления («Категории», «Об истолковании», «Первая аналитика»), способы доказательств, или логический метод («Вторая аналитика»).

В «Первой аналитике» Аристотель подробно объясняет образование понятий, суждений и умозаключений и перечисляет их различные виды. Он говорит: каждый предмет или имеет данные свойства, или их не имеет. Эти свойства, или общие понятия, которые мы находим или не находим в данных вещах, Аристотель называет *категориями;* он насчитывает их десять, а именно: категории *бытия, количества, качества, отношения, времени, места, положения, владения, действия и страдания.* Первой из этих категорий обусловливается самое значение подлежащего и сказуемого, соединяем ли мы их или разделяем. От утвердительного или отрицательного соединения подлежащего и сказуемого происходят суждения, умозаключения, или силлогизмы. Во «Второй аналитике» Аристотель дает учение о доказательствах.[2] Задача науки, по Аристотелю, есть познание причин явлений; объяснять явления – значит выводить их из необходимых причин, служащих им основанием, это и называется доказывать. Наука есть знание, основанное на доказательствах, в которых подлежащему приписывается известное сказуемое на основании причины, почерпнутой из наблюдения. Но знание, основывающееся на доказательствах, требует чего-нибудь несомненного, иначе доказывать пришлось бы без конца. Аристотель различает два рода знания: непосредственное и посредственное; первое относится к высшим началам и к чувственному восприятию, второе состоит в доказательстве с помощью умозаключений. Начала, или аксиомы, не могут быть выведены из чего-нибудь более несомненного; в таком случае они не были бы началами. Однако и для них возможно находить основание – оправдывать их принятие. Наведение[3] состоит в

восхождении от частного к общему, от известного *нам* к известному всем и каждому, одним словом, к началу. Доказывание и наведение являются, таким образом, процессами обратными и образуют научное знание. Истина всегда и везде устанавливается не наблюдением, а размышлением, наблюдение же убеждает нас в действительном существовании истины, то есть в присутствии ее в данных явлениях. Из сказанного легко усмотреть, как объяснял Аристотель происхождение знания. Он говорил, что прежде всего необходимо отличать возможность (потенцию) от действительности. В качестве *возможности* (способности) наш ум содержит в себе все общие понятия; в действительности же он обладает ими, когда их приобретет. Отношение между возможным и действительным знанием Аристотель объясняет примером, сравнивая *возможное* знание с чистою доской, а *действительное с* доскою исписанною. Последователи Аристотеля дали ложное толкование этому примеру и заключили, что Аристотель относил происхождение нашего знания *исключительно* к внешнему миру. Но есть основание думать, что Аристотель своим примером хотел только сказать: мы не родились на свет с готовыми понятиями; они образуются впоследствии, обусловливаясь и свойствами нашего ума, и влиянием внешнего мира.

Платон совершенно иначе объяснял происхождение идей, то есть высших понятий, на которых основывается философское знание. Если мы сравним этот взгляд Платона с приведенными нами воззрениями Аристотеля, то увидим, как далеки мы в настоящее время от первого и близки ко вторым.

Начала знания согласно Аристотелю двоякие: формальные (логические) и реальные. Главное между формальными началами, или аксиомами есть закон противоречия, с которым сопряжено так называемое начало исключенного третьего. Но формальные начала не могут дать определенного содержания исследованиям, они представляют собой только орудия, которые для создания чего-нибудь нуждаются в материале; последним служат реальные начала, свойственные каждому особенному роду предметов исследования. Общие формальные начала во всех науках одни и те же, но предметы их различны; это различие относится и к реальным началам. Из всего этого видно, что Аристотель совершенно правильно понимал значение логики, для которой так много сделал. Но судьба всех мыслей Аристотеля, как мы увидим дальше, заключалась в превратном толковании их. Философы средних веков стремились доказывать то, в чем можно было убедиться только опытом и наблюдением, и думали, что следуют наставлению Аристотеля. Аристотель же утверждал со

свойственной ему ясностью и определенностью, что мышление приспособлено к тем законам, которые управляют миром, и находится с ними в полной гармонии; первое он ставил выше законов природы.

Логика Аристотеля состоит из шести трактатов, из которых некоторые в древности и в новое время неосновательно признавались подложными; эти трактаты следующие: 1) «Категории»; 2) «Об истолковании»; 3) две книги «Аналитики», или так называемый трактат о силлогизме; 4) две книги «Второй аналитики», или трактат о доказательстве; 5) трактат о диалектике и 6) «О софистических опровержениях». Все эти сочинения известны под общим названием аристотелевского *«Органона».* Это название не принадлежит самому Аристотелю. Мы видели, что в философии своей Аристотель дает надлежащее место логике и строго различает два источника знания: законы логики и наблюдение действительности. Но предписывать правила всегда легче, чем их выполнять. Сознание какой-нибудь истины всегда предшествует применению ее к практике. Этого общего закона не избегнул и Аристотель. Дело в том, что в применении какой-нибудь истины на деле человек всегда повинуется привычке. Рассматривая деятельность Аристотеля в области физики и естественных наук, мы увидим, что он нередко сам действует в духе своих предшественников и вопреки собственному мнению. Сверх того, нельзя не признать справедливым мнение Вундта, что в самых основных метафизических воззрениях, *взятых* в целом, между Платоном и Аристотелем замечается гораздо больше сходства и согласия, чем противоречий. Не сами идеи, не бытие понятий отрицает Аристотель; он отрицает лишь *отделимость* этого бытия от материи.

Говоря о логике Аристотеля, нам следует привести его учение о силлогизме.

По определению Аристотеля, силлогизм есть такое общее предложение, которое, после установления известных частных предложений, выводит заключение, отличное от этих предложений, но не содержащее никакой не заключающейся в них идеи. Так, все дурные люди жалки; всякий тиран – дурной человек: следовательно, все тираны жалки. Аристотель дал нам анализ шестнадцати форм силлогизма, который в настоящее время с логической точки зрения признается удовлетворительным.

Мы не войдем в подробное рассмотрение этого капитального сочинения Аристотеля, которое одно могло бы сделать имя его бессмертным, но приведем суждение о нем самого великого

творца: «Пытаясь создать науку о суждениях, мы не могли воспользоваться трудами предшественников; все сделано нашими собственными усилиями. Поэтому, если только вы не поставите это сочинение далеко ниже сочинений по другим наукам, созданным трудами целого ряда поколений, вы снисходительно отнесетесь к недостаткам нашего труда и почувствуете признательность за обнародованные открытия».

Вольтер для того чтобы дать понять всем и каждому, что сделал Аристотель в области логики, приводит одно весьма сомнительное рассуждение Платона о бессмертии души и рассматривает его с точки зрения аристотелевской логики, доказывая его полную несостоятельность. Мы считаем также уместным привести мнение Шопенгауэра об Аристотеле, хотя оно относится и не к одной логике.

Шопенгауэр, принимая во внимание самый *способ изложения* предмета, находит большое различие между Платоном и Аристотелем. Он говорит, что Платон представляет и характером своего мышления, и способами изложения своих мыслей нечто совершенно *противоположное* Аристотелю. Платон не выпускает из своих железных рук главной мысли, прослеживает нить последней, как бы тонка она ни была, во всех ее разветвлениях. Такое изложение свидетельствует о том, что он, прежде чем писать, строго и в подробностях обдумывал свои сочинения. Поэтому каждый диалог Платона представляет удивительно цельное, связное развитие главной мысли, освещаемой примерами и подкрепленной многочисленными ссылками. Такая склонность Платона к образцовой диалектике могла послужить к недовольству Аристотелем в этом отношении, и нам нисколько не удивительно, что Платон несколько раз выражал это свое недовольство в резкой форме. Слова Шиллера о «ширине» и «глубине» лучше всего выражают противоположность Аристотеля и Платона. Несмотря на свое стремление к наблюдению и опыту, Аристотель не мог сделаться последовательным и систематическим эмпириком; этим и объясняется борьба с ним творца современного эмпиризма Бэкона. В сочинениях Аристотеля о природе мы видим стремление построить естественные науки, например химию, из *понятий* отвлеченных. Бэкон вооружился против этого и указал на новый источник знания – на опыт и на наблюдение. Попытки Аристотеля выдумать то, что необходимо изучить, теперь возбуждают наше сожаление и смех. Эти сочинения Аристотеля о природе послужили основанием схоластики. Немудрено, что с таким желанием предписать природе созданное собственной фантазией Аристотель утверждал, будто звезды прикреплены к небесному

вращающемуся своду, свет и тепло являются следствиями вращения, Земля же находится в безусловном покое. Эти взгляды трудно простить Аристотелю, потому что пифагорейцы еще ранее высказывали более правильные представления о виде, положении и движении Земли. Мы видим также, что Аристотель восставал против Эмпедокла, Гераклита и Демокрита, имевших более верное представление о природе, чем он сам. Знание близких к истине воззрений древних, однако, могло бы предохранить нас от многих ошибок, в которые вовлек нас Аристотель. Известная система Птолемея вся построена на взглядах Аристотеля, которыми человечество довольствовалось до начала XVI столетия; между тем она больше служила религии, чем науке: религия не могла обойтись без вещественного неба, которое было отнято у нее астрономией. Копернику, Галилею, Кеплеру не пришлось бы так пострадать, если бы Аристотель справедливее отнесся к древним, беспристрастно наблюдавшим природу. Но можем ли мы, строго говоря, винить в этом Аристотеля?..

Из приведенного мнения Шопенгауэра, однако, легко усмотреть, что и он, в сущности, не считает Аристотеля последовательным эмпириком. И это замечание Шопенгауэр, как видно, относил к аристотелевскому исследованию природы. Что касается отношения Бэкона к Аристотелю, то мы еще будем говорить о нем впоследствии. Существенным является различие не в направлении философии, а в свойствах ума и характера Платона и Аристотеля; различие это проявилось главным образом в способе изложения, в образе жизни и, как мы вскоре увидим, в учении о нравственности. Философию Аристотеля можно сравнить с большою рекой, которая приняла в себя как притоки все существовавшие до него системы философии и разносит эти воды по всему миру столько веков. В ней, как в фокусе, собраны все достоинства и недостатки прошлого умственной жизни человечества, которым, конечно, в значительной степени обусловливаются достоинства и недостатки настоящего. Поэтому на вопрос Шопенгауэра, винить ли в последних Аристотеля, можно ответить только отрицательно.

Мы не можем пускаться в дальнейшие рассуждения о философии Аристотеля и его метафизике, потому что в высшей степени разнообразная деятельность этого философа и ученого древности представляет в этом отношении обильный материал, о котором неизбежно приходится говорить в его биографии. Научная деятельность относится к его жизни, как идея к веществу, только не в платоновском, а в аристотелевском смысле, следовательно, первая нераздельна с последней.

Итак, существенное отличие философии Аристотеля от

философии Платона следует видеть в том, что он отвергает возможность существования идей отдельно от вещей. Вся остальная разница заключается в словах. Идею Аристотель называет *формой,* считает чем-то присущим вещи и отделимым от нее только мысленно: посредством логического процесса абстракции. Он признает четыре причины всякого факта: материя, идея, или форма, сила и конечная цель. Аристотель, как и Платон, допускает вечность материи. Сверх того, он вводит в свою философию два новых понятия: возможности (потенциальности) и действительности (актуальности). В природе яйцо – это птица в возможности. Материя по отношению к форме, к идее – то же, что возможность по отношению к действительности. Всякая вещь представляет в одно и то же время возможность и действительность, материю и форму. Юноша является *сформированным* по отношению к ребенку, но он представляет бесформенную материю сравнительно со взрослым человеком. Эти понятия играют такую выдающуюся роль в изложении всех воззрений Аристотеля, что знакомство с ними является существенной необходимостью. Не трудно себе представить, что ими объясняется многое в учении Аристотеля о природе вообще и о природе человека в особенности.

Мы перейдем теперь к изложению взглядов Аристотеля на природу неорганическую и органическую. В учении Аристотеля об этих предметах надо различать два рода сочинений: одни из них проникнуты общим направлением его философии, другие – совершенно от нее не зависят и представляют исключительно наблюдения.

В древности науки разделялись на общедоступные, которые надлежало знать каждому образованному человеку, и на таинственные, преподаваемые немногим избранным, отменно даровитым людям. Первые преподавались по методу катехизическому, в форме вопросов и ответов; вторые представляли собой связно и научно изложенные трактаты. Эти высшие науки философы держали в тайне от большинства и называли их акроаматическими и эпоптическими. Слово акроаматический значит излагаемый в форме лекций, слово же эпоптический происходит от слова Эпопт; так назывались лица, удостоившиеся полного посвящения в Элевсинские таинства.[4]

Казалось бы, сочинения, относящиеся к разряду таинственных, должны были отличаться лучшим изложением, чем другие, и иметь большее значение для потомства; на самом же деле это далеко не всегда так. Таинственные сочинения меньше всего обрабатывались авторами и больше дополнялись изустным изложением, почему заключали в себе очень много пробелов.

Трудно дать себе отчет, какими соображениями руководились древние греки при разделении сочинений на таинственные, или акроаматические и доступные для всех. К числу первых бесспорно принадлежало учение о чудесном, все, что было еще малопонятно, вызывало сомнение. Из истории математики нам известно, что люди науки находили необходимым скрывать от публики существование несоизмеримых чисел. Большая часть сочинений Аристотеля тоже принадлежит к числу акроаматических: сочинение о душе, несколько небольших сочинений о чувствовании и предметах чувственных, о памяти и воспоминании, о сне и бодрствовании, о сновидениях и о гаданиях во сне, о долговечности и краткости жизни, о молодости и старости, о жизни и смерти; к общедоступным относятся: о дыхании, история животных в десяти книгах, о членах животных, о поступи животных, о рождении животных, о цветах, об акустике, о физиогномике, о растениях, о чудесных рассказах, о механике, о линиях, о направлениях и названиях ветров. Трудно воздержаться от изумления, просмотрев внимательно перечень предметов исследования этого вечно размышлявшего наблюдателя! Разнообразные наблюдения требовали столько труда, внимания, времени; нам приходится допустить, что в этих работах Аристотеля принимало участие очень много людей, трудившихся под его руководством. Но он не только руководил, воодушевлял, направлял занятия других, но и сам неустанно, непрерывно наблюдал и размышлял.

В физике Аристотеля, под которою он разумел учение о мире и человеке, как мы сказали, не все служит выражением его философских воззрений. Природу Аристотель рассматривает как органическое, гармоническое целое, состоящее из последовательных, связанных между собою звеньев; она, по выражению его, не похожа на плохую трагедию. В самой большой связи с философией Аристотеля находится его учение об органической природе.

Очевидно, Аристотель представляет природу самостоятельной *внутренней силой,* способной сообщать телам движение и удерживать их в покое. Природу он отождествляет с *живой мировой* силой и признает, что всю вселенную проникает оживляющая теплота. Он сравнивает эту природу с художником, который действует не по полному сознанию, но под влиянием неясного побуждения, а потому называет ее не божественной, а только демонической. В этом, по его мнению, следует искать объяснение того, что в природе так часто имеет место случай и неожиданность; в этом также заключается причина многих несовершенств, замечаемых в природе, деятельность которой

представляется Аристотелю, таким образом, инстинктивной. В то же время Аристотель утверждает, что природа стремится всегда к одной цели. Целесообразность он признает во всех ее проявлениях; он говорит, что только ввиду цели ласточка вьет свое гнездо. То же самое замечается и в растениях, которые для своего питания пускают корни внутрь земли, а не на ее поверхности. Это кажущееся противоречие объясняется тем, что в природе два начала: материя и форма, или действующая идея. Если природа действует иногда ощупью, делает уклонения и ошибки, это принадлежит материи. Необходимо допустить, что Бог приводит в движение материю. Как дисциплина существует вместе и в армии, и над нею в уме полководца, так Бог есть в одно и то же время закон и законодатель, порядок и распорядитель вещей. Так как движение есть сущность природы, то физика есть, собственно, теория движения; ее исследования относятся к неподвижному (божественному), к подвижному нетленному (небу) и к подвижному тленному, или к подлунной природе. Движение Аристотель отождествляет с идеей изменения.

Аристотель доказывает, что не было времени, когда бы не существовали изменение и движение. Если бы все вещи находились в покое, то первое движение должно было бы произойти от какой-нибудь перемены в некоторых из этих вещей, то есть должна быть какая-нибудь перемена прежде первого движения и т. д. Это приводит к признанию существования *первого двигателя.* Движение должно совершаться постоянно, продолжаться или непрерывно, или последовательно. Однако постоянство более свойственно непрерывному чем последовательному. Итак, *непрерывное лучше.* Но мы всегда предполагаем, что в природе происходит лучшее, если оно возможно. Поэтому движение первого двигателя должно быть непрерывное, если такое вечное движение возможно. Шаткость такого доказательства очевидна. Аристотель старался решить несколько великих вопросов о вселенной, раскрывая *смысл слов* и выражений, обозначающих самые общие понятия о вещах и их соотношениях. Все это влекло за собой только диалектические тонкости и трудности, требующие для преодоления их большой затраты сил и не ведущие к познанию законов природы. Уэвель такую физику называет гиперфизической. Аристотелю, по-видимому, совершенно неизвестны были мнения ионийцев и пифагорейцев о свободном движении небесных тел в пространстве, которые, однако, заключали в себе в зачаточном состоянии теорию всемирного тяготения. Этим объясняются его промахи в астрономии, о которых говорит Шопенгауэр. Главные

положения аристотелевской астрономии суть следующие: на небе господствует гораздо больший порядок движений, чем на Земле. Эти небесные движения могут быть только простейшие и совершеннейшие, то есть исключительно кругообразные движения, именно такие, в которых тела постоянно движутся вперед в одном направлении и все-таки возвращаются только к своему первоначальному положению. Эти небесные тела – существа, не подверженные страданиям, достигшие лучшей цели; они ближе к божественному, чем Земля и живущие на ней люди. Небо имеет свою душу и начало своего движения в самом себе, и это движение не нуждается ни в каком отдыхе, как, например, бывает у животных, потому что совершается без труда и не влечет за собою утомления. Превосходство этого движения небесных тел состоит также в том, что от правой стороны оно опять приходит к правой. Впрочем, это относится только к самому верхнему небу, где живут созвездия. Но низшие сферы заключают в себе планеты, и эти последние – не такие совершенные существа, потому что они движутся и налево и направо. В середине мира стоит Земля, потому что земное всегда стремится к сосредоточению мира.

Плутарх рассказывает, как раскаивался под старость Платон, что давал Земле место в центре вселенной. И было в чем! Признавая Землю центром вселенной, Аристотель также нанес большой ущерб будущей науке и дал оружие в руки католицизма. Мы с прискорбием упоминаем об этом факте, который, однако, нельзя обойти молчанием. В утешение всем истинным почитателям великого Аристотеля приведем следующий рассказ Плутарха об издании физических чтений Аристотеля, к которым относились приведенные нами выдержки. Согласно Плутарху, Александр Великий писал своему прежнему наставнику: «Ты поступил дурно, издав эти чтения, потому что как можем теперь мы, твои ученики, превзойти других людей, когда ты передаешь всем то, чему мы от тебя научились?..» Аристотель будто бы отвечал на это: «Мои чтения и изданы, и не изданы; они будут понятны для тех, кто их слышал и ни для кого больше». Утешал ли Аристотель своего честолюбивого ученика или действительно так думал, трудно сказать. Весьма может быть, что ученики, записав эти чтения, внесли в них много своего, исказив истинный смысл слов учителя, который не узнал в этих чтениях плодов своей мысли.

Многие обширные трактаты Аристотеля состояли почти исключительно из собрания одних фактов, например, трактаты «О звуках» и «О задачах механики». Современные нам механика и гидростатика основаны исключительно на фактах, которые древним были так же хорошо известны, как и теперь. Аристотель

имел также представление о шарообразности Земли. Прошло столетие после Геродота, прежде чем Евдокс Книдский, почерпнувший свои сведения от египетских жрецов, а затем и Аристотель, признав учение о шарообразности Земли, подтвердили его несомненными доказательствами и распространили между всеми образованными людьми того времени.

Очертание земной тени, отбрасываемой на Луну во время ее затмений, убедило древних в круглом виде Земли. Аристотель говорит по этому поводу следующее: что касается фигуры Земли, то она непременно должна быть сферическою… Если бы дело было не так, затмения Луны не имели бы таких форм. Потому что в течение месяца очертание темной части Луны принимает все виды: оно бывает прямое, вогнутое и выпуклое, но во время затмений разделительная линия всегда бывает выпуклая; а так как Луна затмевается оттого, что между Солнцем и ею помещается Земля, то причиною этому должна быть окружность Земли, имеющей сферическую форму.

Аристотель пытался также создать механику, но относил причину движения не к силе, а старался объяснить его свойствами пространства, то есть вводил геометрические идеи вместо механических. Этим обстоятельством объясняют его неудачу. Основание механики было впоследствии положено Архимедом. Удачнее были первые шаги Аристотеля в области метеорологии: он говорил о происхождении ветров, бурь, о метеорах, землетрясениях, морских приливах и отливах и старался объяснить явление радуги. «Радуга, – говорит он, – производится отражением от облака, противоположного Солнцу, когда облако обращается в капли». Заслуживают внимания его наблюдения над цветами радуги: большей частью появляются две радуги, и из них каждая имеет три цвета; но цвета внешней радуги бывают слабее, и порядок их противоположен порядку цветов во внутренней радуге. Во внутренней радуге первая и самая широкая дуга красная; но во внешней радуге наименьшая дуга красная, ближайшая к внутренней. Что касается явления прилива и отлива, то оно сильно занимало мысль Аристотеля; сложилась даже легенда, будто он бросился в море, потому что не мог себе объяснить этого явления. Вообще можно сказать, что в объяснении морских и воздушных течений Аристотель близок к истине и начало метеорологии положено им. Но во всем своем блеске гений его проявился в науке об органическом мире. Здесь целесообразность казалась ему очевиднее, и это сильно его воодушевляло. Природа здесь, по его мнению, проявляет больше искусства и изобретательности, выбирая везде самые простые и

лучшие средства для достижения цели. Организмы, которые производит природа (растения, животные, люди), отличаются от тел неорганических тем, что они получают свои побуждения от внутреннего начала. Душа животного по развитию выше души растения; она обладает способностью чувствовать и удерживать чувственные впечатления. Ощущения зрения, слуха, обоняния, вкуса и осязания сходятся в общем чувстве. Чувствительная к радости и к страданию душа животного стремится к тому, что производит на нее приятное впечатление, и избегает противоположного. Отсюда самопроизвольное движение животного. Ко всем этим преимуществам у человека присоединяется еще разум. Благодаря ему человек есть венец природы, конечная ее цель, к которой природа стремится через постепенно усложняющиеся формы животного царства. Если природа не достигает своей цели сразу, то причиной этого является сопротивление материи.

Животное царство разделяется на две ветви, из которых первая заключает в себе животных, имеющих кровь, а именно: млекопитающих, птиц, рыб, амфибий, а вторая обнимает собой насекомых, раковидных, моллюсков. Теплота нераздельна с жизнью, и количество теплоты, присущей животному, находится в прямой связи с его относительным совершенством. Аристотель верит вообще самопроизвольному зарождению, отрицая его, впрочем, у Высших животных. Не имея понятия о переворотах, каким подвергается земной шар, Аристотель допускает вечность органической жизни и видов.

Отношение организма к душе есть отношение между материей и формой, между возможностью и действительностью и между способностью и деятельностью. Ввиду этой тесной связи организм существует и живет только благодаря душе; душа есть его конечная причина и цель; но душа существует только тогда, когда одушевляет, когда она живет в теле. Чувствовать, желать, домогаться без телесных органов невозможно, по Аристотелю, как ходить без ног. Душа для тела то же, что острие топора: если предположить топор живым организмом, то акт рубки составлял бы душу топора. Очевидно, Аристотель считал основные отправления души нераздельными с телом.

Аристотель видел назначение природы в создании мужчины; рождение женщины он считал некоторым уродством и объяснял это явление тем, что у зародившегося человеческого существа не было силы развиться вполне. Он признавал также ненормальным явлением, если сын не был похож на своего отца.

Мы не станем вдаваться в более подробное изложение учения Аристотеля об органической природе; заметим только, что

изучавшие его натуралисты Бюффон и Кювье относились к нему вообще с большим уважением.[5] Итак, мы видим, что Аристотелю, прозванному *мыслящим наблюдателем,* действительно более удались наблюдательные, чем опытные науки.

В заключение этого краткого очерка деятельности Аристотеля в области науки мы приведем рассуждение Уэвеля о неудачных попытках такого рода всех греческих философов вообще. Он говорит: «При всем том мы не должны слишком легко судить об этих древних мыслителях. Это были люди необыкновенной проницательности, с изобретательным и строгим умом, а главное, они имели ту заслугу, что первые развили умозрительную способность нашего духа – первые открыли эту смелую и энергическую погоню за знанием, из которой вышла вся последующая культура и усовершенствование интеллектуальных сокровищ человека. Мудрецы древней Греции представляют собой героический период науки. Подобно первым мореплавателям своей мифологии, они отважно пустили свое неиспытанное судно в далекое и трудное странствование, полные надежд на сверхъестественный успех; и хотя они не нашли воображаемого золотого приза, которого искали, но зато открыли путь в неведомые области для предприимчивых людей, которые в последние времена свободно странствовали по ним к бесконечному увеличению умственных богатств человечества».

Если мы сравним *научную* деятельность Аристотеля с такою же деятельностью Бэкона, то увидим, что последнему также не дались физические исследования; сверх того, он так же, как и Аристотель, в астрономии был ниже своих великих современников. Вообще же естественнонаучная деятельность Аристотеля стоит неизмеримо выше заслуг в этом отношении Бэкона.

Большая часть сочинений Аристотеля, относящихся к математике, потеряна, а в том, что до нас дошло, заслуживают особенного внимания его мысли о бесконечности. Нет сомнения, что Аристотелю известно было все то, что думал о математике Платон.

Уэвель, вообще не особенно благосклонный к Аристотелю, говорит, однако: «Наши новейшие так называемые натурфилософы хотели также пересадить на свое поле ту строгость, которая отличает математику. Но они взялись за это очень неловко, придерживаясь только внешних форм этой науки. Они думали при этом, что сделали нечто новое, до тех пор неиспробованное. Но Аристотель предупредил их за две тысячи лет, только совершенно иным путем, так как он именно старался

и в свои философские исследования ввести ту строгую последовательность выводов, которой гордится математика».

Действительно, в сочинениях Аристотеля заметно глубокое знакомство с математическим методом, который философ прилагает иногда там, где он и некстати. Его стремления выводить естественные законы как следствия из соответствующих им понятий служат доказательством справедливости наших слов. Математика, как известно, играла важную роль в философской школе Платона, и нельзя допустить, чтобы тот, кого Платон называл душой своей школы, не был бы в совершенстве знаком с тем, что по крайней мере знал сам Платон. Если мы в этом отношении находим у Аристотеля весьма немногое, то это объясняется только тем, что его сочинения, относящиеся к математике, потеряны вместе со многими другими.

Глава IV

Учение о душе. – Психология. – Антропология и физиология. – «Этика». – «Политика». – О воспитании и музыке. – О власти и рабстве. – Теория поэзии. – Современные взгляды на общие заслуги Аристотеля

Приступая к оценке учения Аристотеля о человеке, мы будем иметь в виду следующее правило: нужно уметь отделять при обсуждении философских учений неизменное содержимое от *временной формы.* Не следует ни отбрасывать как простые хитросплетения, ни почитать за вечные истины системы, которые имели в свое время глубокое влияние на умы, а теперь принадлежат истории. Временные леса рухнули, но живучие идеи продолжают существовать. Итак, самое главное – отличить живучие идеи от временных лесов. Это замечание главным образом относится к «Этике» и «Политике» Аристотеля, где особенно много и первых, и вторых. Эти два сочинения представляют для нас особую важность потому, что в них светится душа Аристотеля. Вундт в своем научном трактате по этике говорит, что исследование Аристотеля о чувстве дружбы написано с редко у него встречающейся теплотой и отличается какой-то особенной жизненной правдой; Стагирит горячо высказывает желание нравственного общения, как составляющего само по себе высочайшее благо. Он называет нравственною только дружбу между равными людьми и также считает ее могущественным средством для укрепления нравственности отдельных лиц. Сочинение, в котором автор высказывает такие задушевные мысли, имеет огромное значение для уяснения его личности; поэтому мы намерены им заняться более, чем всеми другими. Но прежде чем посвятить ему все свое внимание, мы займемся рассмотрением других сочинений Аристотеля о человеке.

Учение Аристотеля о душе составляет как бы переход от органической природы вообще к венцу ее – к человеку. Мы говорили уже о том, что разумел Аристотель под именем *души.* Многие пытались доказать, и небезуспешно, что Аристотель в своем учении о душе собрал все ценное в этом отношении у своих предшественников, присоединив к этому и собственные исследования и размышления. Но в некоторых отношениях учение Платона отличается большей полнотой, особенно в тех вопросах, где проявляется самонаблюдение, способность, которая

была больше развита у Платона, чем у Аристотеля. Таким образом, Платон в «Федре», «Филебе» и в других диалогах представил довольно подробный анализ душевных волнений и страстей, которых едва касается Аристотель в своем трактате «О *душе».* У Платона, в делении души по видам, вид страстный поставлен отдельным видом души, отличным в своих проявлениях от других видов. Аристотель же, говоря о склонностях-аппетитах, отождествляет желающий и страстный виды души. Во всем же, что относится к наблюдению других, Аристотель стоит выше Платона.

Законы ассоциации идей были также отчасти известны древним мыслителям, особенно Платону и Аристотелю. Аристотель упоминает о некоторых из них в статье о воспоминании.

Мы уже говорили, что Аристотель утверждает, что душа относится к телу, как форма к материи. Но вместе со всем этим он допускал существование разума, называя его формою форм. Относительно этого разума душа представляет материю. Душа принадлежит не только человеку: каждое органическое существо одарено жизненною силою, или *душою,* в которой заключается внутренняя причина и конечная цель всякого органического движения или развития. На этом основании Аристотель допускает, что степень телесного совершенства зависит от жизненной силы, или души, а не наоборот, как это утверждали некоторые из прежних греческих мыслителей. Степеней души, обусловливающих известные степени совершенства в развитии органической природы, Аристотель различает три, а именно: душу растительную, животную и разумную, или человеческую.

Предмет антропологии есть человек как высшая степень в развитии органической жизни. Остальная природа служит как бы приготовлением к появлению человека: все назначение ее – в человеке. Это, по мнению Аристотеля, *доказывается* тем, что все *в природе служит человеку.*

Физиологическая часть учения Аристотеля состоит в простом описании процессов человеческой жизни без всякой предвзятой философской идеи. Учение Аристотеля о человеческой разумной душе состоит из ценных наблюдений психологического характера. Он первый положил основание опытному изучению души в связи с телом и в то же время рассматривал ее как микрокосм, в котором отражается весь мир. В этом учении Аристотель является неустанным и проницательным наблюдателем; что же касается его объяснений, то они так же слабы, как приведенное нами доказательство, что человек есть цель природы.

И что же уцелело от всего этого? Наблюдения, факты; объяснения же, *как леса,* рушились с течением времени.

Вундт говорит, что несходство Платона с его великим учеником ищут обыкновенно на почве философии, между тем как их главное различие в этике. Вопрос, к которому сводятся все суждения Аристотеля в области этики, заключается не в том, какое значение имеет добро само по себе, как у Платона, а в том, чем оно является для человека в условиях нашей обыденной земной жизни. Для того чтобы ответить себе на этот вопрос, он изучал жизнь человеческую со всех сторон, во всех ее разнообразных проявлениях. Он заметил, что всего полезнее оказываются для самого человека и для других людей поступки, в которых проявляется знание меры, уменье выбрать среднее между двумя крайностями. Он возвел это знание меры в главный принцип нравственности. Это приводило в негодование многих философов, которые возмущались мещанской моралью, проповедующей *золотую середину.* Мы же умышленно употребили выражение *знание меры* вместо *умеренность,* потому что оно лучше передает мысль Аристотеля со всеми ее оттенками. Если я пью и, заметив, что жажда моя утолена, перестаю пить, это значит – я *знаю меру;* если же я перестаю пить, несмотря на то, что хочу еще, то это значит – я себя *умеряю.* Нравственность, основанная на знании меры, является вполне естественной, служащей сохранению и процветанию наших сил, умеренность же – легкая форма аскетизма, к которому не склонен был Стагирит, всегда бравший под свою защиту природу человека. Аристотель признает и ясно высказывает, что человек по природе существо общественное, что общественные инстинкты, создающие семьи, товарищества, классы и национальности, составляя одну из наиболее выдающихся особенностей сложной человеческой природы, постоянно обладают достаточною и более чем достаточною силою; они бьют ключом подобно горным потокам, из которых при умении всегда можно извлечь пользу; их также можно сравнить с чрезмерной растительностью богатой почвы, которая не требует удобрения, а нуждается в мудром хозяйстве. Аристотель безусловно верит в природу человека. В своей «Никомаховой этике» он посвящает целые две книги тому, что он называет *φιλιᾶ.* Это слово обыкновенно переводят «дружба», но в «Никомаховой этике» оно употребляется в более широком значении и обнимает собою все виды симпатий и склонностей людей друг к другу. Эта часть этики, как справедливо замечает Грант, обработана с необыкновенной внимательностью и глубиной и написана с совершенным знанием движущих сил нравственной жизни. Главною силой является любовь к

совершенству. Жить как надлежит истинному человеку – идеал Аристотеля. Он как бы говорит: я хочу делать все, что наиболее прилично человеку; кто вздумает делать меньше, тот не человек. В то же время он не проповедует аскетизма, не дает человеку трудных, неразрешимых задач сверхъестественной нравственности, но учит высоко держать голову и предпочитать смерть низкому поступку. Такая нравственность совершенно соответствует изречению Соломона: не будь *ни чрезмерно праведен,* ни *чрезмерно мудр,* если не хочешь губить себя. Не будь чрезмерно нечестив и сумасброден, если не хочешь умереть преждевременно. То же говорит и Шекспир, великий знаток человеческого сердца: «Сладчайший мед смертелен по самой своей сладости и расстраивает аппетит. Поэтому любите умеренно; так любит продолжительная любовь. Слишком быстрый приезжает так же поздно, как и очень медленный». ·

Аристотель утверждает, что вопросы нравственности совершенно праздны и вредны, если не имеют в виду непосредственно какого-либо практического результата. Он не ворчит из своей конуры на людские недостатки, но старается своими советами помочь человеку. Это не болезненный ханжа, убегающий от печали настоящей жизни в мечтания о будущей. Блэкки говорит, что в Англии этика Аристотеля имеет огромное влияние на молодых людей; читая ее, они чувствуют, что перед ними не проповедник по профессии, а джентльмен в полном смысле слова, умный, светский человек, друг государей, государственных людей и великих полководцев.

Аристотель как философ утверждает, что добродетель заключается в сдерживании страстей и управлении ими при помощи разума. Он руководился здесь тем соображением, что все страсти и чувства колеблются между крайностями и противоположностями. Отсюда следует, что и нравственные ошибки, вытекающие из недостаточной власти над страстями, представляют собой такие противоположности. Каждому пороку противопоставляется другой порок, совершенно противоположного свойства: так, скупости – расточительность, малодушию – безрассудная смелость, надменности – рабская покорность. Если добродетель состоит в сдерживании страстей с помощью разума, то она есть не что иное, как соблюдение золотой середины между противоположностями.

Аристотель различает пять *основных* добродетелей, или, по-нашему, способностей: знание, искусство, предусмотрительность, рассудок, мудрость; знание и рассудок относятся к деятельности ума, искусство и предусмотрительность суть практические добродетели и стоят рядом с волей. Под именем

предусмотрительности Аристотель разумеет способность найти в отдельных случаях правильный путь на основании приобретенного опыта. Предусмотрительность является некоторым образом воспитательницею воли. Но в воспитании имеет значение привычка и происходящее при этом инстинктивное стремление к добру. На созданном привычкой равновесии между противоположными наклонностями покоится умеренность, которую Аристотель вследствие этого рассматривает как необходимое *условие* всех добродетелей, не причисляя ее к ним. Учение о предусмотрительности сближает этику Аристотеля с сократо-платоновской этикой. Это еще в большей степени относится к мудрости. Последняя является у Аристотеля результатом сочетания рассудка и науки. В рассуждениях о мудрости Аристотель выражает свои личные склонности к созерцательной жизни. Как ни высоко ценил он политическую жизнь, но все же предпочитал ей уединение, углубление в самого себя.

При определении добродетели как способности души следует помнить, что греки этому слову *(ἀρετή)* придавали более широкое значение чем мы; оно относилось в одно и то же время и к мышлению, и к воле.

Итак, мы видим, что Аристотель умеренность не причислял к добродетелям; это говорит в пользу высказанной нами мысли. Предписывание умеренности – это подчинение природы всякого человека общему правилу отвлеченного характера; знание же меры есть нечто индивидуальное, предоставляющее большой простор и свободу естественным склонностям человека. Слова о подчинении страстей рассудку в устах Аристотеля имеют несколько иной смысл, чем в учении других моралистов. Другие моралисты, древние и новые, утверждают, что человеку ни в каком случае не следует поддаваться естественным склонностям, от которых исходит все дурное; Аристотель же, наоборот; советует сдерживать одну страсть для того, чтобы она не мешала развитию другой; он имеет в виду не жертву отвлеченному принципу, а здоровье человека душевное и телесное.

Например, он советует человеку быть храбрым: храбрость есть нечто среднее между страхом и безумной смелостью. Но чувство страха вредно действует на человека само по себе, а безумная отвага влечет за собой дурные последствия. Однако храбрость сама по себе ведь не есть добродетель *золотой середины.* И учение Аристотеля о добродетели, как мы видим, не заключает в себе ничего узкого, мещанского, а, напротив, имеет возвышенный характер. Он предписывает человеку только управлять собою, то есть разобраться в своем внутреннем мире,

дать себе отчет в своих преобладающих стремлениях и, не уклоняясь очень в сторону, приближаться к намеченным целям.

Учение Платона о добродетели не представляет ничего особенно оригинального в сравнении с учением Сократа. Он писал · его под сильным впечатлением жизни Сократа. У Сократа философия и жизнь представляли одно целое. Биография Сократа есть лучшая история его философии. Ксенофонт говорит о Сократе: он был так набожен, что ничего не делал против воли богов; так справедлив, что не причинял никому ни малейшего вреда; настолько властелин своих чувств, что всегда предпочитал полезное приятному; его возвышенный разум позволял ему никогда не смешивать зло с добром; одним словом, он вполне оправдывал название совершеннейшего и счастливейшего человека. Мы со своей стороны заметим, что жизнь Сократа как результат нравственного творчества представляет собой изящное произведение во всех тонкостях и подробностях. Можно сказать, Сократ положил все свои умственные силы на создание такой жизни и во всякой другой области сделал сравнительно со своими силами немного. Умственные интересы Аристотеля были многостороннее, обширнее и глубже; вопросы нравственности привлекали также его внимание, но он никогда не был им исключительно предан. Не в теории нравственности и не в одной нравственной жизни следует искать силу и значение Аристотеля; проницательный философ очень хорошо понимал, что не одни только заботы о нравственном совершенствовании составляют удел человека; ему необходимо также изучить природу и ее законы. Из этого, однако, не следует, что Аристотель не придавал должного значения вопросам нравственности и не ценил безупречной, хорошей жизни; он отводил им надлежащее место. В подтверждение этого замечания приведем взгляд Аристотеля на высшее благо. Он говорит, что высшее благо, конечную цель всех стремлений, принято называть блаженством. Но самое понятие о блаженстве всегда возбуждало много споров. Аристотель разумеет под именем блаженства такое состояние души и такую деятельность, которые наиболее соответствуют особенностям человека и влекут за собою полное удовлетворение. Но что же составляет исключительную особенность человека? Конечно, разум, поэтому в деятельности разума он может найти истинное блаженство. Итак, свободная, успешная умственная деятельность, к которой человек предназначен самою природой, есть высшее благо; она сопровождается ощущением блаженства. Желания и деятельность связаны естественными неразрывными узами, и если этот законный союз осуществляется в жизни, то в результате получается полнейшее счастье. Наряду с этим главным

источником блаженства Аристотель признает другие, второстепенные, но также играющие видную роль в человеческой жизни: богатство, друзья, дети, благородное происхождение, красота лица и тела. Такой взгляд на высшее благо как нельзя лучше характеризует философа-эмпирика; второстепенные источники счастья принадлежат наблюдателю, мысли же о главном источнике могли возникнуть только в голове самого глубокого философа.

Итак, мы видели, что в своих воззрениях на нравственность Аристотель весьма резко отличался от Платона. Платон проводит всюду отвлеченную идею добра, существующую независимо от отношения его к жизни. Аристотель же, напротив, утверждает, что идея добра не дает нам возможности узнать, какое отношение имеет это добро к практической жизни и каким путем можно его достигнуть. Предметом этики Аристотель признает не добро само по себе или вообще, а то, что оказывается полезным в нашей жизни. В своих общих воззрениях на добродетель Аристотель расходился с Сократом. Сократ, как известно, отождествлял добродетель с мудростью, в последней же видел способность покорять чувства. Этому искусству, по мнению Сократа, возможно выучиться; верный самому себе, он учил добродетели, просвещая ум. Аристотель же находил корень добродетели не в рассудке, а в тех естественных склонностях, которые вначале имеют инстинктивный характер, а потом уже сознанием направляются к содействию общему благу. Согласно такому воззрению, Аристотель отрицает возможность выучить человека быть добродетельным, непосредственно убеждая его рассудок. Добродетель мало понять; необходимы навык и упражнение в поведении и поступках, заслуживающих название добродетельных. Все это сводится к воспитанию воли. Дурно направленная воля и при добрых намерениях, и при просвещенном рассудке мешает ему быть твердым в добродетели. Как бы то ни было, добродетель обусловливается совместным влиянием природных склонностей, разума и привычек, приобретенных в детстве. Такой взгляд на добродетель неминуемо должен был привести Аристотеля к нападкам на учение Сократа. В сущности добродетель, по мнению Аристотеля, это навык к общежитию. Он говорит, что число добродетелей не ограничено, оно определяется числом различных отношений, существующих между людьми. Добродетель мужа имеет свои особенности, то же относится к добродетели женщины, ребенка, раба. Но во всех случаях добродетели принадлежит один неизменный признак: это чувство меры, заставляющее человека выбирать среднее между двумя крайностями – наносить вред и

терпеть напрасно. Анализируя таким образом все наиболее известные добродетели, Аристотель приходит к заключению, что они всегда представляют нечто среднее между избытком и недостатком.

Такой взгляд нельзя признать безусловно верным, хотя он и применим к некоторым добродетелям. Однако трудно согласиться, что любовь к ближнему, любовь к истине представляют собою нечто среднее…

Такой взгляд на добродетель освещает нам до некоторой степени саму личность Аристотеля.

В заключение нам остается сказать, что теория нравственности, завещанной нам Аристотелем, есть только выражение и подробное развитие древнего правила «ничего чрез меру». Нездоровое состояние как тела, так и души главным образом проявляется в каком-нибудь недостатке или избытке. Итак, нравственность. Аристотеля не выдумана из головы, но выведена из наблюдений над природою человека. Для того чтобы показать, как живуча мораль, покоящаяся на таких началах, я приведу несколько строк из предисловия англичанина Мориса к посланию Иоанна. «Я глубоко обязан, – говорит английский моралист, – Оксфордскому университету за то, что он дал мне в руки Аристотелеву „Этику“ и побудил меня прочитать ее и продумать. Большего благодеяния невозможно и сделать. Я хочу объяснить вам, чем я обязан этой книге. Во-первых, она убедила меня, что принципы нравственности не могут принадлежать тому или другому времени, а присущи всем временам. Этою книгою языческий грек древнего мира пробудил во мне сознание того, что происходит внутри меня, разоблачил передо мною мою леность и мою неискренность, показал мне, как далеко мои поступки не были тем, чем, я думал, они должны быть, заставил меня сознаться, что, несмотря на все преимущества, какими я пользовался перед ним, он был лучше меня. Это было великое дело. Далее, я не мог не научиться от этого грека, – а он сделал все, чтобы этому научить, – что не чтением книги или изучением правил приобретается познание нравственности, но что это есть дело жизни и что нравственность следует изучать с помощью ежедневного житейского опыта».

«Политика» Аристотеля является венцом его этики; Аристотель вполне разделяет мнение Платона, что высшее благо может быть достигнуто только совместными усилиями отдельного лица и государства. Но он признает государственную жизнь выше индивидуальной не потому, что она преследует высшие цели, а прежде всего потому, что цели отдельных лиц лучше могут быть достигнуты с помощью государства.

В «Политике» Аристотеля мы находим все те общие выводы относительно форм правления, к которым он пришел тщательно изучая различные формы правления существовавших в то время мелких государств. Аристотель – как и следует глубокому наблюдателю – ни одну из форм правления не считает безусловно хорошей, а говорит, что она во всяком случае должна отвечать степени образованности данного народа и особенностям страны, разумея также географическое и экономическое ее положение. Он высказывал мнение, что счастливейшим можно назвать то государство, которым управляет добродетель, воплощается ли она в одном человеке или в нескольких лицах. Так как одного совершенного человека легче отыскать, чем нескольких, а нескольких легче, чем многих, то Аристотель склонен предпочитать монархическое и аристократическое правление демократическому. Однако он отдает должное и другим формам правления. Аристотеля обвиняли в том, что он восхвалял монархический образ правления в угоду своему царственному ученику; это неправда, но очень может быть, что для Аристотеля в первые годы царствования Александр воплощал идеал правителя. Мы отличаем государство от города как в топографическом, так и в политическом отношениях; но у греков, как в том, так и в другом смысле, понятие о городе совершенно совпадало с понятием о государстве. Вследствие особенных условий топографии каждая маленькая местность греческого полуострова стремилась к индивидуальному обособлению, поэтому Греция не была одним сплошным государством, а множеством мелких, бесконечно разнообразных государств. Греческий город состоял с другими городами в международных отношениях. Этим и объясняется то, что Аристотель часто употребляет вместо слова государство – город. Мы видели, что Аристотель в «Политике» своей, в противоположность Платону, стремился соединить интересы отдельного лица и государства. Он не желал жертвовать отдельными живыми лицами отвлеченной идее государства и этим отличался от Платона. Но во множестве мест, которыми изобилует «Политика», Аристотель все же часто требует вмешательства государственной власти в дела частных лиц; например, он говорит, что государство должно принять на себя заботы о том, чтобы лица, вступающие в брак, имели известный возраст, наиболее благоприятный для рождения здоровых детей; по его мнению, мужчине должно быть тридцать семь лет, а женщине восемнадцать.

В пятьдесят лет, по мнению Аристотеля, мужчина достигает полного расцвета своих умственных сил, а затем они начинают падать; поэтому после пятидесяти лет не следует иметь детей и

т. д.

Далее Аристотель говорит, что число детей, которых могут иметь семьи, должно быть также предписано государством. Во всем этом проглядывает, однако, не деспотизм, а настойчивое желание человечеству возможно лучшего будущего. Итак, в своей «Политике» Аристотель говорит решительно обо всем, что имеет важность для человеческой жизни: о власти и рабстве, о воспитании детей, о здоровье, о долголетии, о праве, о браке. Он заботится о человеке еще до его появления на свет, высказывает свои мнения о гигиене беременности, предписывая женщине в это время больше двигаться; он считает вредными для нее умственные занятия. Во всем этом проглядывает любовь Аристотеля ко всему живому, конкретному. Он завещал человеку любить самого себя и не отказывать себе ни в чем, что служит к усовершенствованию души и тела.

«Политика» Аристотеля, как мы сказали, изобилует многими такими мыслями, с которыми полезно познакомиться для уяснения его взглядов и личности. Мы выберем из этого поистине богатого материала наиболее важное для нас и существенное.

И Платон, и Аристотель, как известно, придавали большое значение делу воспитания. Аристотель как врач рассматривал его также с физиологической точки зрения. Мы познакомим читателей в главных чертах со взглядом Аристотеля на воспитание и на значение музыки в деле воспитания, а также с его воззрениями на рабство, на власть и семейные отношения.

Цель воспитания Аристотель формулирует следующим образом: воспитание, как и всякое искусство, имеет в виду восполнить недостатки природы. Воспитание юношества должно быть делом общественным; будущие граждане должны одинаково уметь повелевать и управлять, повиноваться и подчиняться. Учить следует не только тому, что полезно и необходимо; воспитание свободного человека должно преследовать также другие, более сложные задачи, должно развивать высшие интересы эстетические и умственные. Учебные предметы, согласно Аристотелю, суть: грамота, музыка, графика и гимнастика; последней, впрочем, он не советует слишком увлекаться и считает излишним стремление взращивать силачей и атлетов. Музыке придает он большое значение в деле воспитания и говорит, что назначение музыки облагораживать настроение. Удивительно, что в настоящее время музыка не играет никакой роли в воспитании. Никто не подозревает о ее могущественном влиянии в деле воспитания чувств, хотя, казалось, каждый мог бы составить о нем понятие, анализируя ее действие на настроение своей собственной души. Аристотель утверждает, что музыка

приучает нас испытывать то или другое чувство, развивает и укрепляет последнее. Это и делает ее незаменимым средством в деле воспитания чувств. Аристотель вообще придает большое значение привычке в деле воспитания; он пришел к этому заключению наблюдением и опытом; в настоящее время никто не станет отрицать значения привычки. Под именем музыки как предмета воспитания разумели у древних не исключительно музыку в нашем смысле, но вообще занятия предметами, возвышающими и облагораживающими душу. Что касается музыки, говорит Аристотель, то в наше время занимаются ею большей частью для удовольствия, но сперва она употреблялась как предмет воспитания, чтоб люди могли вести жизнь, достойную *свободного* человека. В самом деле, не забава же должна наполнять наш досуг. Содержанием досуга должно быть нечто, что само по себе есть цель. Музыка не представляет предмета необходимого и полезного в том смысле, как необходима и полезна грамота и гимнастика.

Музыка составляет занятие свободного человека; Аристотель ссылается на Одиссея, рисующего картину наилучшего препровождения времени, представляющую тесный кружок людей, сидящих у стола и слушающих певца. Искать всюду пользы, говорит Аристотель, не прилично для людей свободных и с возвышенной душой.

Но как следует понимать значение музыки в воспитании? Аристотель утверждает, что и с педагогической точки зрения на музыку нельзя смотреть как на забаву; учащимся не время забавляться; ученье само по себе всегда горько. Музыка, согласно Аристотелю, имеет, конечно, и значение забавы как отдыха после трудов и составляет также содержание свободного времени, но она имеет еще большую ценность сама по себе; она изменяет настроение нашего духа и способна облагораживать последний. В рифмах и мелодиях, по мнению Аристотеля, есть подражание гневу, кротости, мужеству, благоразумию и всем другим состояниям нашей души. Слушая такие рифмы и мелодии, мы изменяемся душою. А от привычки испытывать то или другое чувство оно может развиться и окрепнуть. Таким образом, музыка и только музыка может укрепить нас в том или другом чувстве. Если же это так, заключает Аристотель, то ясно, что юношей необходимо должно воспитывать посредством музыки, и притом так, чтобы они сами пели и своими руками играли на инструментах, потому что для образования большая разница в том, сам ли человек упражняется в известном деле или нет.

Аристотель требовал от школы, чтобы она создавала людей, способных к гражданской жизни, которые могли бы и жить на

войне, и вести мирные дела, и наслаждаться досугом.

В то же время школа не должна была учить их быть гражданами, потому что это не ее дело.

Верный самому себе, Аристотель советует родителям давать как можно больше свободы детям, ничем не стеснять их природных склонностей. Он находит вредным не позволять ребенку кричать и шуметь и т. д. В своих понятиях о схолической жизни свободного человека Аристотель является столько же философом, сколько естествоиспытателем. Эти мысли Аристотеля могли бы принести пользу в настоящее время, когда понятия о необходимом и полезном в деле воспитания все суживаются и суживаются…

Перейдем теперь к изложению мыслей Аристотеля о власти и рабстве; он говорит:

Начало власти и начало подчинения принадлежат к числу не только необходимых, но и полезных условий общественного быта. Так, уже самым рождением определяется различие между тем, кто назначается к подчинению, и тем, кто создан для власти. Но между властвующими, как и между подчиняющимися, существует множество видовых различий.

Всякое живое существо состоит из души и тела; естественное отношение между ними таково, что душа властвует, а тело подчиняется. Подчинение тела душе полезно как для души, так и для тела, тогда как равенство или обратное отношение их между собой вредно. То же отношение существует между человеком и прочими животными. Домашние животные по природе своей лучше диких, для них лучше быть в подчинении у человека, потому что через это подчинение они достигают своего собственного благосостояния. Мужчина лучше женщины по самой природе, потому он властвует над нею и она ему подчиняется. Существуют люди – рабы по природе, и для них самое лучшее быть в подчинении у той же власти, которой подчиняются тело и животные. Природа, желая установить различие между свободными и рабами, делает различие между самыми их телами. Тела рабов сильны, так что они могут быть употребляемы на разного рода работах, необходимых в жизни; а тела свободных не способны на такие работы, зато свободные люди годны для политической и научной деятельности.

Деятельность домохозяина в семейной жизни может быть рассматриваема с трех сторон: с одной, в отношении его как господина к рабу, о чем уже было говорено, с другой – в отношении его как отца к детям, и с третьей – в отношении его как мужа к жене, потому что глава семьи имеет власть и над женою, и над детьми – как над свободными. Над женою он

властвует как правитель в аристократически устроенном государстве: отношение мужа к жене это дружеский союз между двумя неравными лицами. Над детьми же отец властвует как царь. Родивший имеет, конечно, власть над рожденным, как на основании любви своей к нему, так и по причине своего старшинства; а власть, опирающаяся на такие основания, относится к роду царской власти. Гомер называет Зевса отцом людей и богов, так как он царь над всеми.

Деятельность домохозяина должна заключаться более в попечении о людях, а не в приобретении вещей неодушевленных, которые мы называем богатством. Но здесь Аристотель наталкивается на вопросы. Доступна ли рабам иная, высшая, деятельность; если доступна, то чем тогда они будут отличаться от свободных. Если жена должна во всем подчиняться мужу, то может ли она быть рассудительна, мужественна. Странно допустить, что она ко всему этому не способна. Но часто случается наоборот: есть люди, которые только по телу свободны, а другие только по духу. Сама справедливость требует, чтобы природные рабы служили природным господам. Но природных рабов следует отличать от рабов по закону. В отношении между рабом и господином, если каждый из них таков по своей природе, имеют место как взаимная польза, так и взаимная дружба. Но противоположные явления бывают тогда, когда эти отношения устанавливаются не природою лиц, а основываются на законе и праве сильного. Господином называется кто-либо не потому, что он знает науку управлять людьми, но потому что на самом деле он рожден властвовать.

Кто имеет раба, но не умеет владеть им, для того раб и его собственное господство над ним ничего не значат.

Мы привели этот взгляд Аристотеля на рабство, чтобы выставить его в истинном свете. Аристотеля принято называть *защитником* рабства. Это невозможно оправдать условиями его времени, потому что против рабства восставал же Платон, желавший также полного равноправия мужчин и женщин.

Но Платон стремился к своим идеалам, не соотносясь с окружавшей его действительностью. Аристотель же не мог оторвать своих глаз от жизни, от фактов; мы видим, что он к последним прикован и как бы связан ими. Однако же нельзя сказать, чтобы Аристотель не мог себе представить изменение внешних условий вообще и в данном частном случае. Всем известно его знаменитое изречение: «Если бы челнок мог работать сам собою, то не было бы рабства». Из завещания Аристотеля мы видели, как он относился к своим собственным рабам; это отношение, как мы замечаем, не только не

противоречит взглядам, высказанным им в его знаменитом сочинении «Политика», но вполне им отвечает. Он не был защитником рабства по закону, потому представляется естественным, на наш взгляд, что он дал волю тем рабам, которые, по его мнению, не были рождены рабами. Что касается самого деления людей на рабов и свободных, то оно проглядывает и у Платона, который неизменно отличает эллина от варвара. У Аристотеля это деление проходит непрерывною нитью через все сочинения, где он касается человека и его жизни.

Сочинение Аристотеля о поэзии, как и все другие, подверглось превратным толкованиям; Аристотеля совершенно напрасно обвиняли в грубом материализме. Обвинения такого рода, конечно, расточались людьми ограниченными. Истинные знатоки, напротив, высоко ставят это сочинение Аристотеля. Лессинг говорит: «Если я не ошибаюсь в сущности драматического искусства, то потому, что понимаю его так, как объяснил его Аристотель, наблюдая множество образцов греческой сцены. Я нисколько не колеблюсь признаться – пусть смеются надо мною в наши просвещенные времена, – что я считаю ее („Поэтику“) таким же непогрешимым произведением, как *„Элементы“* Эвклида. Основания аристотелевской пиитики так же истинны и верны, только не так понятны, а потому более подвержены ложному толкованию. Особенно во всем, касающемся трагедии, я берусь доказать, что она не может на шаг отступить от аристотелевского идеала, не удаляясь от своего совершенства».

Греки считали образное представление истинною целью поэзии. Но чтобы вполне образно представить людей, чтобы вывести их как бы живыми, потребно сильное воображение и свободное творчество. О выражении собственных чувств греки совсем не думали; у Аристотеля также об этом нет и помину. Назначение поэта, по мнению Аристотеля, излагать не то, что бывает, а то, что могло бы случиться, то есть возможное.

Поэзия глубже истории и имеет большее значение, чем первая; она выражает общие законы человеческой природы, история же описывает частные их проявления. Аристотель советует трагическим поэтам подражать хорошим портретистам, которые делают портрет похожим на оригинал, но вместе с тем и более красивым. Так и поэту необходимо порочные характеры облагораживать; он может воспроизводить то, что есть, что было, что кажется, или то, что должно быть. Всякое искусство, по мнению Аристотеля, подражает природе, частью восполняя то, чего природа не в силах произвести. Указав на назначение поэтического творчества, Аристотель переходит к изложению истории постепенного развития поэзии и к ее наиболее

совершенным формам – трагедии и комедии. Польза же поэзии, по его мнению, заключается в облагораживании и *очищении* страстей.

Мы не будем вдаваться в более подробное изложение этого сочинения Аристотеля, которое помимо всех указанных достоинств замечательно еще тем, что выражает многие особенности древнегреческого миросозерцания.

Заслуживает внимания, что Аристотель в своей пиитике излагает также грамматику, разбирает части речи и падежи. Это объясняется тем, что в то время грамматика находилась в младенческом состоянии. Аристотель относил грамматику к риторике, или пиитике, не давая языкознанию самостоятельного места в ряду наук.

Мы бросили взгляд на заслуги Аристотеля в области отдельных наук; скажем еще несколько слов об общем значении деятельности Аристотеля.

Имя Аристотеля живет уже более двух тысяч лет и можно с уверенностью сказать, что оно будет жить на Земле до тех пор, пока не перестанут существовать на ней мыслящие люди. Аристотель известен главным образом как творец логики, но не в одном этом заключаются его важные услуги человечеству. Можно сказать, нет науки, в создании которой не принимал бы участие Аристотель. Всякий специалист, знакомый с историей своей науки, убежден, что она ведет свое начало от Аристотеля. Но не только наука, а весь характер жизни образованного человека имеет органическую связь с жизнью Аристотеля. Если мы станем внимательно изучать биографии ближайших предшественников Аристотеля, Сократа и Платона, и сравним их с жизнью Аристотеля, то ощутим большую разницу; мы *понимаем* значение Сократа и Платона в истории философии и мысли вообще, но самый их образ жизни нам чужд так же, как и их воззрения.

Швеглер в своей «Истории философии» справедливо говорит: философского *учения* Сократа нет, есть только *жизнь* Сократа. Этим вполне выражается индивидуальный, субъективный характер философии Сократа. Последнее замечание, строго говоря, может относиться и к философии Платона.

До Сократа философия состояла в объяснении явлений природы. Сократ же первый обратил все свое внимание на изучение явлений человеческого духа, углубился в себя и из этого источника почерпнул всю свою мудрость. Платон, следуя в том же направлении, дошел до предела того, что может создать ум человеческий своими собственными средствами без всякого знания действительности. Платон утверждал, что Творец создал мир наподобие идей, воплощая их таким образом. Но такое

отношение идеи к действительности ничего не объясняет обыкновенным смертным. Безукоризненно изящное изложение Платона, свидетельствующее о необъятной силе его ума, и теперь вызывает наше удивление, но мы в то же время не чувствуем солидарности своей с Платоном. Какой бы наукой мы ни занимались, мы к действительности относимся иначе, чем относился к ней Платон. Сократа считают творцом индуктивного метода; он первый заговорил об общих понятиях; Платон дал этим общим понятиям название идей, которые признал за нечто само по себе существующее. Но если в этом отношении Сократ нам понятнее Платона, то его общий взгляд на жизнь для нас еще более чужд. Он признавал своим высшим благом отсутствие потребностей и желаний; это, по его мнению, приближает человека к Богу и не нарушает равновесия нравственных сил, безмятежного душевного покоя. Исключительная нравственность Сократа вызывает поклонение, как тонкая диалектика Платона возбуждает удивление; Аристотелю же принадлежит несравненно большее влияние на всю умственную жизнь отдаленных веков, несмотря на то, что жизнь его не представляется нам такой образцовой, как жизнь Сократа, а изложение в изяществе и цельности уступает Платону. Жизнь Сократа и учение о нравственности Платона мы храним как святыню, как вериги, которые мы, однако, не в силах носить.

Какому-нибудь современному профессору философии трудно представить себя преемником Сократа, который учил всех, всегда и везде, даже на рынке. Ему невозможно признать и свое сродство с вдохновенным Платоном, ум которого никогда не спускался на землю и постоянно витал в области идей. Другое дело Аристотель, всегда смотревший открытыми глазами на действительность. Даже самая наружность Аристотеля ближе к наружности современного человека. Он был небольшого роста, худощавый, с небольшими, узкими, но чрезвычайно проницательными глазами; одевался всегда безукоризненно, строго подчиняясь моде, и произносил *р* в горло, что служило в то время признаком несомненного аристократизма. Он первый из философов приобрел богатую библиотеку, и его студия была переполнена коллекциями животных, растений и минералов.

Общий характер его философии вполне гармонировал с его внешностью. Швеглер говорит: «В руках Аристотеля философия потеряла свой национальный эллинский характер и сделалась общечеловеческим достоянием. Он заговорил языком более близким к современному нам языку. Диалог Платона превратил он в обыкновенную прозу, место мифов и поэтических метафор заступил точный и сжатый язык. Мы не находим у него следов

платоновского вдохновения непосредственной созерцательности: философия Аристотеля – это царство наблюдения и трезвой мысли. Он оставил стремление Платона отыскать единство бытия и с любовью стал присматриваться к бесконечному разнообразию окружающих явлений. Его занимали не идеи, а все конкретное – воплощение идей в смысле Платона.

И в природе, и в истории, и во внутреннем мире человека ищет он фактических данных и всегда идет от частного к общему. Его философия заслуживает название истинной философии, потому что она носит индуктивный характер с начала и до конца, и сам Аристотель есть истинный философ, потому что никогда не сходил с почвы живой действительности».

Такую общую оценку деятельности Аристотеля встречаем мы в современной истории философии. Лучшим доказательством ее справедливости служит то влияние, которым она пользуется до настоящего времени. У Аристотеля научились мы читать, собирать коллекции, говорить научным языком. Кант утверждает, что логика обязана Аристотелю всем, чем она в настоящее время располагает. Аристотелю мы обязаны всеми хорошими и дурными особенностями нашей современной умственной жизни; к числу последних следует отнести словесную мудрость, формальное отношение к природе и к жизни и стремление вместо истинного понимания довольствоваться словами. Куно Фишер говорит, что до появления Бэкона Аристотелю в царстве философии принадлежала диктатура; он превозносил теорию как высокий порыв ума, в котором мы уподобляемся богам. Он основал объяснение природы на метафизике. Он был настоящим научным носителем формальной философии и творцом ее логики. Он привел в систему всю греческую философию и посредством ее господствовал над средними веками. Он ввел в философию индукцию, не подвергнув ее критике. В глазах Бэкона с именем Аристотеля соединяются все idola theatri в науке и в жизни. Имя Аристотеля образует как бы выдающееся острие, которому суждено было принять все громы, бросаемые Бэконом против философии прошлого.

Idola theatri – это идолы, наследуемые одним поколением от другого; к ним относятся все наши предрассудки, встречаемые на каждом шагу в жизни. То, что приписывает Бэкон Аристотелю, относится вообще к греческой философии и науке. Аристотель сделал гигантский шаг вперед от формальной философии к действительности, но, разумеется, он не мог совершенно порвать связь с прошлым; он остался греческим философом того времени и, следовательно, не был совершенно свободен от стремлений навязать природе то, что принадлежало одному человеку. Эту

склонность наследовали от греков и европейские народы.

Передаваясь от поколения к поколению, эта склонность сделалась действительным идолом, с которым пришлось бороться всем, «кто пошел неосторожно свободной истины искать», – Копернику, Галилею, Кеплеру.

Мы привели различные мнения современных философов о значении Аристотеля, но все различие между ними только в том, что, по словам одних, Аристотель всегда исходит от частного к общему, тогда как другие, наоборот, упрекают его в формализме. Мы же со своей стороны заметим еще раз, что в теории Аристотель всегда оставался индуктивным философом, а на практике очень часто, изменяя своему догмату, приближался к Платону.

Глава V

Первые последователи Аристотеля в Греции. – Философская школа перипатетиков. – Судьба сочинений Аристотеля. – Недавно открытая рукопись Аристотеля об Афинской республике. – Выдержки из сочинения Аристотеля об Афинской республике

К деятельности великих людей часто приходится прилагать слова: медленно зреет то, чему предназначено долго жить. Влияние философии Аристотеля вначале было невелико. Как мы говорили, Аристотель во многих отношениях был чужд афинянам. В числе его последователей не было ни одного истинно даровитого философа. Наиболее выдающимися из них были: Теофраст, Эвдем, Стратон. Эвдем написал «Этику», по форме своей напоминавшую «Никомахову этику», но отличавшуюся меньшею жизненностью и большим аскетизмом. Теофраст был назначен Аристотелем себе в преемники; он был главой школы перипатетиков. В руках последователей Аристотеля философия его мало-помалу утратила свой возвышенный характер; ее разрабатывали не в чисто научном духе: в ней стали искать замены религии, которая в то время у греков потеряла свою силу и власть. Итак, от философии требовали прежде всего цельного миросозерцания, которое учило бы людей как жить и поступать. Попав в такие руки, разносторонняя философия Аристотеля значительно пострадала. В то время о ней можно было сказать с сожалением: дерево в сук растет. Аристотель никогда не выражал своих мыслей в виде непреложных догматов, особенно когда дело касалось обобщений, выведенных из фактов; все они высказаны в виде предположений. Последователи его постарались придать им твердости и сделали из них правила, обратили их в *топор* на *мысли,* как выражался Демосфен. После Платона и Аристотеля народились стоики, эпикурейцы и скептики.

Замечательно, в самом деле, что Аристотель, творец науки и родоначальник положительного знания, не нашел в Греции себе истинных последователей; в Афинах и в самом Ликее одни из его учеников изучали его исключительно как философа и творца логики; другие занимались только задачами нравственной философии; третьи, как Стратон, совершенно предавались естествознанию; последних, впрочем, было немного. Число философских сект в Афинах дошло в то время до четырех. Может быть, это одностороннее изучение творений великого Стагирита и

послужило главным образом к неверному толкованию его мыслей как в области философии, так и в сфере естественнонаучной деятельности. Истинных же продолжателей своего дела Аристотель обрел на Сицилии, в Египте, на островах Средиземного моря. Это также можно приписать тому, что Аристотель не был истинным афинянином и в его стремлениях, умственных навыках и вкусах встречалось много такого, что было совершенно чуждо афинянам.

История внешней судьбы сочинений Аристотеля весьма замечательна. Свою библиотеку и свои сочинения он завещал Теофрасту; по смерти же Теофраста все эти сокровища попали в руки людей невежественных – родственников Теофраста: двести лет они пролежали в подвале, покрытые паутиной и пылью, черви точили их переплеты. В то же время перипатетики, располагая весьма немногими сочинениями Аристотеля, часто теряясь в догадках, толковали их вкривь и вкось. В первом веке покорители Афин овладели библиотекой Аристотеля и перевезли ее в Рим. Попорченные рукописи были вновь переписаны не особенно тщательно, но большая часть этих рукописей сгорела в царствование Юлия Цезаря. Птолемей Филадельф первый написал биографию Аристотеля и обзор его сочинений. Из последних особенную популярность приобрела логика; другие сочинения, заслуживающие во всяком случае не меньшего внимания, оставались непонятыми – неоцененными. Затем *«Органон»* Аристотеля попал в руки отцов церкви; с особенной любовью занимался им святой Августин в Константинополе; в Европе в XI веке сочинения Аристотеля послужили основанием знаменитой философской полемики о реализме и номинализме, на той же почве возникло все учение Абеляра в XII веке. Но отцы церкви воспользовались только формальной логикой Аристотеля; физика и метафизика Аристотеля были долгое время строго запрещены; в 1210 году в Париже все находившиеся там сочинения Аристотеля подверглись сожжению. В то время как отцы церкви создавали схоластическое учение, заимствовав у Аристотеля только безразличный к истине силлогизм, и воздвигали на шатком фундаменте темные, мрачные храмы схоластической науки, арабы занимались более всесторонним и полным изучением Аристотеля. Но первые, совершенно пересоздав Аристотеля согласно своим потребностям, окружили таким почетом его имя, что под страхом смертной казни запретили думать иначе, чем думал их лже-Аристотель. Еще в царствование Людовика XIII, в 1629 году, за протест против лже-Аристотеля трагической смертью погиб Рамус.

Изувеченный Аристотель явился таким образом грозой всех

свободомыслящих философов, в том числе Декарта. К этому-то Аристотелю относились слова мощного победителя схоластики Бэкона: «Аристотеля надо жечь». Далее мы видим, что многие гениальные люди, не зная истинного Аристотеля, проклинали его имя, сильный авторитет которого запрещал им говорить истину, вопрошать природу. Галилей с ранних лет платился за то, что осмеливался не соглашаться с Аристотелем; в нем видели заносчивого и неосновательного молодого человека, считавшего себя умнее самых почтенных комментаторов Аристотеля. В то время в университетах преподавание философии Аристотеля было введено по настоянию католического духовенства. Замечательно, что протестанты также возлюбили Аристотеля, употребляя в свою пользу данное им орудие силлогизма. Главным приверженцем и толкователем Аристотеля явился Меланхтон в XVI веке. Это неизменное освящение Аристотеля религией неминуемо должно было вызвать реакцию, когда свободное изучение природы громко заявило свои права. Аристотель подвергся совершенному изгнанию из школ и университетов. Лейбниц был поражен таким несправедливым отношением к Аристотелю и употребил все усилия, чтобы внушить к нему должное уважение; позднее Иммануил Кант в Германии и Кузен во Франции также стремились исправить ошибки веков по отношению к Аристотелю. Альберт Великий и Кювье первые оценили достоинство трудов Аристотеля по зоологии. Итак, вот краткий очерк жизни Аристотеля в потомстве. Она напоминает судьбу греческой статуи: сначала ею любовались, потом изувечили и в изувеченном виде поставили на пьедестал, потом свергли вместе с самим пьедесталом в преисподнюю, где она долго лежала, покрытая плесенью и пылью, затем ее снова вытащили на свет Божий и снова начали преклоняться перед ее вечной красотой. В настоящее время царство Аристотеля, как и царственного его ученика, распалось; специалисты всех областей знаний считают родоначальником своим Аристотеля, и каждый из них отчетливо сознает, что сделано Аристотелем в ограниченной сфере его специальности. Между тем как вся сила Аристотеля в том, что он был живой Энциклопедией древности.

Не так давно газеты оповестили образованный мир о нахождении новой рукописи Аристотеля об Афинской конституции. Судьба всех сочинений Аристотеля, как мы уже говорили, имеет свою весьма любопытную и поучительную историю. Это общее замечание относится также к последней рукописи, найденной в Египте и приобретенной лондонским музеем; она написана на папирусе не особенно тщательно и, как видно, предназначалась не на продажу, а для собственного

употребления. Первые страницы рукописи заняты росписью доходов и расходов с одного имения; может быть, благодаря этой росписи рукопись сохранилась в целости.

Появление рукописи нового сочинения Аристотеля произвело сильное впечатление даже на людей, не имеющих никаких умственных интересов. Сначала всех охватил восторг, а затем, как всегда, возникли сомнения, точно ли данное сочинение принадлежит Аристотелю. Сомнения, однако, скоро рассеялись. Известно, что до нас не дошли многие сочинения великого философа, поэтому в появлении новых сочинений нет ничего невозможного. Найденное же сочинение принадлежит к целой серии описаний различных в то время существовавших республик, в том числе Афинской. Есть основание думать, что Аристотель собирал о многих из них точные сведения через своих учеников, которые стекались к нему из разных стран. Все эти сочинения отличаются большою объективностью и носят исключительно описательный характер; они представляют материал для выводов, которые высказаны были Аристотелем в его «Политике».

Современные Аристотелю писатели цитируют места из найденного сочинения Аристотеля, и он сам ссылается на этот труд.

Объективный характер труда объясняется также самим положением Аристотеля в Афинах. Мы говорили, что Аристотель как друг царя македонского неминуемо должен был возбуждать подозрение афинян; последнее дошло до того, что Аристотель оставил Афины, не желая подвергать их опасности второй раз согрешить против философии. Аристотель писал свое сочинение об Афинах в то время, когда там шла сильная борьба партий, поэтому нельзя не удивляться тому спокойствию и той справедливости, с которыми он обсуждает то, чему приходилось ему быть свидетелем; можно подумать, что он описывает отдаленные века и времена!

Мы сказали, что сочинение это, переписанное кем-то для собственного употребления, уцелело благодаря росписи доходов и расходов, занимавшей первые страницы. Но любопытно знать, для чего именно оно предназначалось. Сочинения Аристотеля служили образцами красноречия, и потому есть основание предположить, что обладатель найденной рукописи изучал ее как образец красноречия, которое было в те времена, пожалуй, так же необходимо для домашнего обихода, как и ведение росписи доходов и расходов.

В заключение этого очерка жизни и деятельности великого Стагирита мы приведем выдержки из сочинения Аристотеля об

Афинской конституции, предоставив таким образом возможность Аристотелю самому сказать о себе слово нашим читателям.

«Ареопаг, – говорит Аристотель, – был блюстителем законов и смотрел за тем, чтобы чиновники правили по законам. Всякий потерпевший имел право подать жалобу в Ареопаг, указав тот закон, который был нарушен по отношению к нему. Но лично они находились в кабале, как выше сказано, и земля принадлежала немногим.

Вследствие такого устройства государства и порабощения большинства народ восстал против знати. Острый характер разлада и продолжительность враждебных отношений заставили обе стороны сообща выбрать Солона архонтом для водворения между ними мира и поручить ему государственное устройство, после того как он сочинил элегию, начало которой следующее: *Я понимаю, и печаль наполняет мое сердце,* когда я взираю на старейшую Ионийскую землю. Тут он нападает и на тех и на других, заступаясь в то же время за обе стороны, и затем убеждает их прекратить возникшую вражду. Солон по личным качествам и популярности принадлежал к числу первых граждан, но по состоянию занимал среднее положение, как это признается и другими и как он сам свидетельствует в следующих стихах, убеждая богатых не быть алчными: „Вы, которые пресытились многими благами, усмирите свое непреклонное сердце в груди и воспитайте в смиренности гордый свой дух, ведь мы вас не послушаемся и вам не все целым останется“. Вообще, он всегда приписывает вину раздоров богатым; так и в начале элегии он говорит, что боится корыстолюбия и высокомерия, усматривая в них причину бедствий. Став во главе правления, Солон освободил народ как в настоящем, так и в будущем, воспретил давать ссуды на кабальных условиях, издал законы и уничтожил долговые обязательства частным лицам и государству, что принято называть сисахфией, так как народ благодаря этой мере стряхнул с себя бремя. По поводу этой меры некоторые пытаются оклеветать его. Случилось, что Солон, задумав ввести сисахфию, предварительно сообщил об этом некоторым знакомым, и как говорит народная партия, его перехитрили друзья. Злые же языки судачат, что он и сам был причастен к тому, что последовало. А именно: друзья его на взятые в долг деньги скупили много земли и спустя некоторое время, когда были уничтожены долговые обязательства, оказались богатыми, откуда, как говорят, и ведут свое происхождение крупные состояния так называемых издавна богатых домов. Однако более правдоподобна народная версия. Невероятно, чтобы он, проявивший такую умеренность и беспристрастность во всех других делах, что не пожелал

возвыситься над другими и сделаться тираном, а предпочел личной выгоде исполнение долга и благо государства, вследствие чего не угодил ни той, ни другой партии, – невероятно, чтобы этот человек мог запятнать свою честь в таком низком и недостойном деле. Но что он располагал такою возможностью и, тем не менее, исцелил больной государственный организм, об этом он и сам часто говорил в стихотворениях, и все другие в этом согласны. Таким образом, это обвинение должно считать ложным».

Мы привели эти слова Аристотеля в защиту Солона, заимствуя их из недавно открытого его сочинения об Афинском государстве. Эта благородная защита Солона теперь, после того как прошли века, может служить и сильной защитой памяти самого Аристотеля, которую также преследовала живучая клевета. Лаплас в своем сочинении «Précis de l'histoire de l'astronomie» говорит об Аристотеле следующее: «Слава Птолемея испытала ту же участь, что память Аристотеля и Декарта; их ошибки и заблуждения были сознаны только тогда, когда слепой восторг перешел в несправедливое негодование. Даже в науках революции самые плодотворные по своим последствиям не обходились никогда без игры страстей и возмутительного пристрастия».

Все это еще в большей степени относится к нравственной стороне личности Аристотеля.

Источники

1. *Barthelemy*. Physique d'Aristote. Paris, 1882.
2. *Schleiermacher*. Ueber die ethischen Werke des Aristoteles.
3. *Brandis*. Ueber die Schicksale der Aristotelischen Bücher und Schriften.
4. *Franz Biese*. Die Philosophie des Aristoteles. Bd. 1: Logik und Metaphysik. Bd. 2: Die besonderen Wissenschaften.
5. *Thurat*. Etudes sur Aristote.
6. *Ad. Stahr*. Aristotelin.
7. Zell. Aristoteles und Alexander.
8. *Buhle*. Vita of Aristotelis.
9. *Blakesley*. Life of Aristotel.
10. *Maurice*. Moral und Metaphysical Philosophy.
11. *Аристотель*. Афинская республика. Перевод Шубина.

notes

Примечания

москательщика, торговца аптечным товаром, снадобщика, зеленщика (Словарь В. Даля)

подразумевается дедукция (выведение)

3

индукция

4

Элевсин – город в Аттике, на берегу моря, против острова Саламин. В городе этом находился храм богини земледелия, называвшейся у греков Деметрою, а у римлян Церерою. Поклонение ей соединялось с таинственными обрядами, известными под названием Элевсинских таинств

5

Аристотель принес большую пользу зоологии и сравнительной анатомии, оставив описание многих животных